

• ФАНТАСТИКА

АЛЕКСАНДР КИРИЛЛОВ

ЦИКЛ: ТЕМНЫЕ ВРЕМЕНА

РАБ

zeluloza.ru

Александр Леонидович Кириллов

Тёмные времена 1. Раб

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68962125

SelfPub; 2023

Аннотация

Александр Королев, попавший в раннее средневековье, оказался славянским воином, захваченным вместе со своими боевыми товарищами в плен, и проданным византийскому купцу в рабство на галеры. В те годы жизнь моряка была очень опасной, так что в результате одной переделки, славяне сменили хозяина, оказавшись во флоте арабского халифа. Но и тут наш герой сумел отличиться, найдя на свою голову удивительные приключения.

Содержание

Г	4
Глава 2. Куда это я попал	26
Глава 3. Новая жизнь путешественника во времени	44
Глава 4. Ударник рабовладельческого труда	59
Глава 5. Высокое искусство	84
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Александр Кириллов

Тёмные времена 1. Раб

Г

лава 1. Здравствуй, новый мир

Пробуждение было весьма неприятным, несмотря на тёплую южную ночь. На ногах я ощущал что-то тяжёлое, которое при моем шевелении нехорошо загремело. И вообще, мне было на редкость неудобно лежать, потому что моё тело возлежало на какой-то циновке «для собак», брошенной на самую обычную землю с пылью и мелкими камнями.

Вокруг меня довольно скученно спали люди, издающие во сне разные звуки. Вначале я ощутил приятный запах реки, лугового разнотравья, затем кислый запах застарелого пота человеческого тела и одежды. Кстати, так же пах и я сам. Но сильнее всего пахло нечистотами, причём, слово «пахло» совершенно не отражало реальную действительность – капитально воняло. После таких открытий мою голову посетила очень глубокая по своему содержанию мысль: «Интересно, как я на фоне такого благоухания смог учуять свежесть реки и аромат полевых цветов? Возможно, что вначале человек думает о прекрасном, а потом оценивает окружающую действительность в полной мере».

Я попытался встать, чтобы сходить в «одно место», ориентируясь в окружающей темноте на нюх. Как оказалось, сделать это было не так-то легко. Вот вы пробовали встать и идти со спущенными штанами? Штаны были на мне, а вот ноги сковывала железная цепочка. В итоге, не прочувствовав длину цепи, я грохнулся на лежащих рядом мужчин, огласив окрестности русским матом и другими нецензурными выражениями.

– Святозар, ты чего шумишь, что случилось?

– Это ты кого так назвал?

– Тебя.

– Простите, ради Христа, запутался в оковах, братцы.

– С чего это ты Христа вспоминаешь?

– Бог он, а Бога вспомнить благое дело.

Разбуженный моими подвигами народ побухтел и попыхтел, но быстро угомонился, продолжая прерванный сон, а я улёгся, продолжив думать «думу великую».

– Оказывается, я очень даже понимаю старославянский. Ангел, спасибо, что не бросил на произвол судьбы, снабдив виртуозным владением древним языком. Как там меня называли – Святозар или Светозар? Это имя, если немного углубиться в его трактовку, означает «священный глава или озаряющий светом». Ладушки, похоже, что по жизни я какой-то крутой кекс, раз такое имя дали. Имя славянское и очень даже героическое, что уже хорошо. Все же генетические корни своё берут и я рад, что оказался славянином, а не каким-ни-

будь полинезийцем. С именем тоже повезло. Было весело, если бы меня звали, например, Ананий сын Акакия, о котором в будущем будут слагать былины типа: «И взял великий Ананий меч одной, нет, лучше двумя руками, и такого натворил, что ого-го!» Почему-то вспомнила фраза нашего спортивного комментатора, ведущего репортаж с чемпионата Европы 1992 года: «Защитник датчан поднял ногу, и атака голландцев захлебнулась», – очень даже аллегорично выразился.

Живу я теперь, благодаря шутке Богов, в каком-то далёком древнем веке где-то в рабовладельческом государстве. А раз такое дело, то мне очень интересно, как у меня обстоят дела с владением мечом? Судя по моему внешнему виду, я довольно молодой и здоровый товарищ, с развитой мускулатурой и крепким телом.

Почесав извилины своего мозга очередной мыслью, попутно наморщив широкий лоб – лично приложил ладонь и оценил его ширину, я понял, что понимаю ещё и язык, который учёные будущего назовут тюркским, в смысле татарский, плюс пушту. Да и арабские слова и предложения, знакомые мне ещё по прошлым жизням, очень даже всплывали в голове, так что все мои умозаключения сразу дублировались на татарский, пушту и арабский языки – полиглот, однако.

Вспомнились записки тверского купца Афанасия Никитина «Хождение за три моря» с «датой публикации» в 1475

году, в которых он свободно делал записи в свой дневник на языках тех местностей, по которым путешествовал. А шёл этот парень из Великого Новгорода в Индию. Таким образом, он умел изъясняться на славянском, тюркском и санскрите, а то ещё и на фарси. Правда, был он не обычным купцом, а доверенным лицом, который направился с важной «изотерической миссией» от волхвов Руси к индийским жрецам – брахманам – представителям высшей касты сословий индийского общества.

Получается, что на Руси того времени в хождении были и татарский, и арабский, и славянский языки, и «ушедший в мир иной» настоящий Святозар мог более-менее на них изъясняться. Кстати, даже на знаменитой «шапке Мономаха» – официальном головном уборе русский великих князей, а впоследствии, царей, сделаны надписи на арабском языке, а именно, вышита цитата из Корана, которая переводится как: «Обрадуй правоверных обещанием помощи от Аллаха и скорой победы».

С какого «перепуга» русские православные цари одевали на официальные праздники и события явно «чуждый» по религии «царский головной убор»? Кроме этого, шапку, а в будущем – шлем, украшало изображение архангела Михаила. Вот тут-то и возник ещё один повод для исторических путаницы и спекуляций – как на предмет православной царской власти могли быть нанесены одновременно цитата из Священного писания мусульман, и православное изображе-

ние архангела Михаила?! Так что «шапка Мономаха» является предметом дискуссии учёных-историков на протяжении нескольких веков. Время и место изготовления, первый владелец, идеологическая составляющая – все эти аспекты имеют многочисленные версии и своих последователей, и соответственно, разные версии истории древней и средневековой Руси.

С учётом изысканий альтернативных историков, начиная от Ломоносова и заканчивая 21 веком, я могу сделать вывод о том, что в те века была дружба между религиями: христианами Руси и мусульманами арабского халифата, а впоследствии, турками-сельджуками и турками-османами. И была Русь настолько уважаемым государством, что царь имел право одевать на себя мусульманскую символику и спокойно носить её на своей голове. Кстати, все известные войны России и Турции приходятся на период после «смутного времени» 1600-х годов, когда произошла смена царской династии с Рюриков на Романовых. Тогда-то и начались территориальные войны русов и османов, а до этого времени турки «шпилили» старушку Европу, да Азию с Африкой, не обижая Русь. А до турок арабы Великого халифата также разгромили всех на Кавказе и в Средней Азии, попутно навставляя пистонов хазарам, но далее «дикого поля», где лежала страна Скифия, в Русь не совались.

Учёным приходится сталкиваться с невероятным количеством фальсификаций в истории. Но интересно, что часть

«фейков» созданы руками самих историков. Ярким примером исторического подлога является хронист Иоанн Магнус, написавший в 16 веке внушительный том об истории Шведского королевства и его правителях. В 21-м веке учёными Европы и самой Швеции установлено, что все события до 1000 года, отражённые в труде Магнуса, были придуманы им. Летописец выдумал 11 королей – пять Эриков до Эрика Победоносного и шесть Карлов до Карла Сверкерсона. Так что, сбрасывая со счетов придуманных правителей, правильно считать Карла XII, который воевал с Петром I, шестым по счету, а не двенадцатым. А Китайские официальные лица вообще заявили, что принятая история – сплошная фикция, как говорят, обычная «Филькина грамота». Был такой на Руси патриарх по имени Филипп II, который засыпал царя Ивана Грозного увещательными грамотами с выражением недовольства всем и вся, о которых царь Иван четвёртый отзывался как о невежественных и бесполезных писульках.

А попал я, судя по всему, как раз в раннее Средневековье в самый расцвет «тёмных веков», о котором учёные толком ничего и не знают, но делают вид, что там всё ясно и понятно. Ещё в советском учебнике истории за пятый класс об этом периоде мировой истории говорилось, что время это малоизученное, а поэтому и называется «тёмными веками».

В общем, осмотрев свою цепь, я понял, что руками мне её не порвать, никаких молотков и зубил в округе не наблюдалось, так что наводить «суету» и выяснять, на основании

какого решения суда меня заковали, было делом бесполезным и даже чреватым для здоровья. Стану я возмущаться, разбужу раньше времени надсмотрщика, значит, что – можно и плёткой отхватить по своему драгоценному организму. К тому же облегчённый от всяких ночных излишеств организм чувствовал себя вполне нормально, поэтому я улёгся и, неожиданно для себя, заснул.

Второе пробуждение было более тяжёлым. Я только разоспался, так сказать, вошёл во вкус утреннего сна, как какой-то козёл на нерусском, а судя по моим глубоким языковым познаниям, тюркском языке, орал, чтобы мы, ленивые собаки, поднимались жрать.

«Чего ты орёшь, баран бородатый», – пробурчал я, вставая с камышовой подстилки.

В загон зашло несколько надсмотрщиков и рабов, которые принесли воду и чан с кашей. Поднявшись, я осмотрелся, чтобы узнать, где товарищи делают то самое, чтобы сделать его туда же при свете дня. А товарищи шли делать самые первые утренние процедуры, причём, рядом с джентльменами мостились на корточках и дамы. Потом народ подходил к раздатчику еды, по пути доставая свои деревянные ложки. Я засмотрелся на это действие, но после хлопка своего товарища по плечу, спешно побежал за ним.

Народ стал подтягиваться к питью и еде. Мы так же выстроились в очередь, чтобы получить свою кружку живой влаги и плоску еды. Передо мной стояли славянские

полонянки, ждущие своей очереди, как вдруг приковыляли и пристроились перед ними какие-то «неруси» из даков, по своему шикнув на возмутившихся баб.

Принесённой воды с кашей было не так уж и много, так что, если всех пропускать, то и самим не хватит. Я тоже двинулся вперёд, обходя девиц, и, подойдя к этим румынам, на румынском языке будущего сказал, чтобы они свалили отсюда. Меня не поняли, в результате чего я зарядил по морде ближнему ко мне перцу, затем второму и дёрнувшемуся в мою сторону третьему мужику, уложив всю троицу на землю.

– Вот так, парни, чемпион мира по боксу, хоть и в прошлом – это не халам-балам!

Правда, тут я был весом килограммов 80, не больше, но тоже здоровяк по местным меркам. Проходящие мимо загона торгошаи приостанавливались, смотря на бесплатное развлечение. Ко мне направился надсмотрщик, поигрывая кнутом. Он взмахнул рукой, кнут щёлкнул в воздухе, и, полоснул пустое место, потому как я изловчился отпрыгнуть в сторону.

"Хе-е-е!" – оскалился печенег и двинулся ко мне снова. С закованными ногами особо не попрыгаешь, убегая от профессионала, но ещё пару раз мне удалось уклониться от кнута, чем заслужил одобрительные возгласы зрителей. В четвёртый взмах, кнут очень даже больно хлестнул меня по ногам, обвинив их, охранник дёрнул рукой и я грохнулся на землю. Печенег выдернул кнут и махнул мне рукой, мол, иди в

строй. Я поковылял назад в очередь.

– Легко отделался, Свят, могли запороть, ибо товарный вид дакам попортил.

– Ничего, где наша не пропадала.

Зато слышал спасибо от наших, славянских полонянок. Перекусив, я снова уселся на землю и стал созерцать окружающую действительность, данную нам в ощущениях. В загоне нас находилось довольно много. В основном это были люди славянской внешности, но встречались и какие-то басурмане типа половцев или печенегов, цыган, румын и молдован. Так что гомон стоял приличный и разноязычный.

Затем при свете дня я осмотрел своих товарищей. Несмотря на то, что в эти времена люди начинали самостоятельную жизнь годков с 15, отвечая за свои поступки как взрослые, а 25-летние люди, вообще, являлись аксакалами, всё равно, это были молодые парни со всеми вытекающими из этого чертами характера. А именно, были за любой кипиш, кроме голодовки.

Вот только я никого из них не знал, все они оказались для меня совершенно новыми людьми.

– Ничего, снова я сержант и под моим началом пара отделений разных по характеру людей. Значит, надо знакомиться.

Раз надо, то я и приступил к разговору: «Друзи мои, хочу рассказать вам сон свой, который полностью изменил меня. Так что многое я забыл, а многое узнал там, где побывал этой

НОЧЬЮ».

– Свят, что ты там придумал? Ты сам не свой сегодня.

– Не перебивай, Первуша, рассказывай, братец.

– Снились мне вы все этой ночью. Подошли мы к высокой горе, где даже жарким летом лежит белоснежная шапка снега.

– Такое разве бывает, чтобы летом снег лежал!?

– Не перебивай, Медведь. Свят, бай дальше.

– Бывает, Медведь, так вот встали мы лагерем под горой, а там и ночь пришла. Стою я на посту, караулю ваш сон, а с горы вой жуткий раздаётся. Непонятно почему, но меня потянуло на этот зов. Поднимаюсь я на гору, на самую её вершину, ветер страшно воеет, а я пружу вперёд, не оглядываясь, только меч крепче сжимаю. И вот взобрался я на вершину, вышел на широкую поляну, всю лежащую в вековом снегу, а навстречу мне идёт чудище – толи человек, толи зверь. И говорит оно мне: «Какого ты сюда припёрся? Погибель свою ищешь!?»

Стало мне страшно, здоровый он, словно великан Валуй. Затряслись у меня все поджилки, но собрал я свой страх в кулак и отвечаю: «Ты чего, урод волосатый, «берега попутал», совсем мозги отшибло? За жизнью твоей я пришёл! Как зовут тебя, ошибка природы, то есть чудище поганое?»

– Ха-ха-ха, человечешко, за речи такие кушать тебя буду сырым. А звать меня великий Колбас.

– Посмотрим теперича, какой ты Колбас!

И стали мы с ним колбаситься, потом штыриться, потом плющиться, то он меня побеждает, то я его.

– Свят, неужто, такой сон присниться может, так чем он кончился?

– Ну, когда без меры браги на мухоморах жажнешь, то бывает, так «прёт», что и не такое приснится. А кончилось дело тем, что подобралась мы в борьбе нашей к краю пропасти, сошлись в последней схватке, и сорвались со скалы. Только Колбас полетел в свой ад, а я поднялся в небо. Вот там и открылись мне знания будущего и так, кое-что по мелочи. Правда, оказалось, что пришлось и мне отдать часть своей памяти. Вот и получается, что я тут помню, а тут не помню.

– Ты с богом дрался?

– Думаю, что это был мелкий демон. А с Богом... Кто ж с Богом драться будет, тем более что ему до нас нет дел – муравьи мы для него. Иногда проливает он сладкий нектар на землю, как ты медовую воду. Муравей пьёт капельки сладости и ему счастье. Так и мы наполняемся пролитым нектаром Богов, и получается, что на нас нисходит эта самая благодать. Отец-создатель и его дети, боги-творцы, установили и поддерживают миропорядок, согласно которому, если человек имеет веру в себя и намерение чего-либо достичь в жизни, он этого достигнет.

– Да, изменился ты, Свят, будто другой человек стал, и говоришь иными словами, непонятными – колбаситься, штыриться...

– Все это слова из будущего. Видел я белые птицы будущего, такие огромные, что в них помещалось пятьсот человек, а потом они взлетали в небо, телеги, бегающие по земле без лошадей, корабли, плавающие без парусов и весел, и огромные дома из стекла и бетона в 200-300 этажей.

– Не может быть, Свят!

– Сейчас не может, а в далёком будущем такое будет.

– А что нас ждёт?

– Галеры, наверное, но этого мне не показали. Главное, вместе держаться, а там прорвёмся. Елизар, ты лучше расскажи, как мы в плен попали?

– Пошли в поход великий за славой воинской на Запад, то есть пограбить. Ходили мы большой силой в 300 гридней и под тысячу воев к лютичам, что в Полонии, да разбили нас.

– Ты не торопись, друже, обстоятельнее расскажи.

– Да что тут рассказывать. Прошлись мечом по Жмуди, там людишки бедные, но кое-что взяли у них – еду, да железо собирали. А дальше перешли Вислу и наткнулись на войско врагов. Сеча была страшная, их тысячи две было.

– Тоже мне страшная, 1300 на пару тыщ воинов.

– Это большая сила, Святозар. Рассеялась наша рать по лесам, а враги стали отжимать нас к Висле. Готовились мы помереть, да ты скомандовал отступать. Вот мы отрядом в пять десятков гридней и воев бросились на юг. Вначале просто спасались, а когда оторвались от преследователей, то собрались в отряд и решили добычу взять, чтобы домой с при-

бытком вернуться. Прошлись по землям древлян, да кривичей, где с боями, а где, как мышки, тихо. Подошли к Днепру, да там богатого купца взяли с большой лодьёй. Прибыток хороший получили, было, с чем домой возвратиться. Да не судьба воспользоваться им оказалось.

– Древляне, говоришь. Они что, в лесу в деревянных древлянках живут и по деревьям лазают?

– Нет, Свят, древляне – древние люди, среди которых есть и знать, и работный люд. Потом решили отпраздновать этот подвиг. Зашли в ближайший городок, уселись в корчму, напились вина и завалились спать, а проснулись уже связанными. А дальше продали нас работоторговцам, да по реке вниз сплавили. Так тут и оказались. Вон домишки городка Олешье виднеются.

«Олешье? – прикинул я, вспоминая историю. – Где-то в этом районе или на месте Олешья в будущем раскинется город Херсон. Значит, я на юге Руси, а тут сейчас печенег или половцы с хазарами. С кем там киевляне воевали? Вроде, со всеми тремя каганатами, только по очереди, но печенег и с хазарами были раньше».

Народ кивал, поддакивая рассказу Елизара.

– Удачный поход, ничего не скажешь. А скажи мне, Елизар, какая сволочь предложила напиться?

– Ты ничего не помнишь? Ты же и предложил, мол, братцы, любое дело надо обмыть.

– Понятно, пьянство до добра не доводит. Слушай, Ели-

зар, а кто я вообще по жизни, есть ли у меня семья, родители?

– Братец, так ты и меня не узнаешь? Я твой старший брат, занимаюсь маленькими торговыми делами. А ты – гридень княжеской дружины. Родители наши зажиточные, но, в общем, обычные жители – не старейшины и не князья.

– А кто у нас старший из воинов?

– Да, пожалуй, что ты остался, остальных побили. Вот нас человек десять ремесленников, да я – торговец, и вас – молодых воев 12 мечей, да отроки.

– А вы умеете с мечом орудовать?

– У нас, Свят, все умеют, но вы, ратники, лучше, ибо постоянно учитесь ратиться.

– Ну что же, Елизар, Митрий, возьмём мы ещё своё царство на копьё. Главное, сейчас не загнуться. А пока мы тут сидим, как тополя на Плющихе, расскажите обо мне и обо всех нас. Кто есть кто из нас, ибо ничего я не помню.

– Ох, братец, как тебя-то колбаснуло! Русы мы, варяги, ещё нас словенами называют, живём мы возле самого Новгорода, что на Волхове стоит. Здесь несколько твоих родичей в плен попало. Живём все вместе в слободе, но у каждого взрослого своё подворье. Я – твой старший брат, мне уж 25 годков, торгую рыбой и всем, чем получается. Отроки при дружине нашего боярина Микулы Селяниновича: Ярослав, Данила, Первуша, Уголёк, Алёша, это наши родичи – племянники, да братья двоюродные, всем им по 14-15 лет

и живут со своими родителями. Из взрослых тут наш двоюродный брат Митрий, ему 24 года. Он мастеровой по дереву, корабел, лоды делает. А ещё один двоюродный братец – Угорь, тот все больше к знахарству тяготеет, лечит нас в походах, ему 21 год. Племянники наши: Волк 17 лет – только стал гриднем младшей княжеской дружины, а Витимир – такой же по возрасту, но помощник кузнеца и углежог. Собственно, все кто в кузне работают, по зиме заготавливают уголь древесный.

– А мне сколько лет?

– Тебе 19 лет.

– Понятно, великовозрастная дубина, дорвавшаяся до свободы. Максимум на что хватило ума – это напиться. Хотя приказ правильный отдал – всем спасаться, значит, есть мозги в голове.

– Все мы такие. Большую глупость свершили и как теперь её расхлёбывать будем, ума не приложу. Давай дальше расскажу. Остальные парни с нашей и окрестных слободок, в основном, все твои сверстники от 17 до 20 лет.

Гридни младшей княжеской дружины: Горыня, Лавруша, Любомир, Добрыня, Ратибор, Ворон, Медведь Олеша, Выюн. Боян у нас сказитель и летописец, само имя за себя говорит – бает человек. Мастеровые кузнецы, что по металлу работают, защитные доспехи и оружие мастерят – это Твердыня, Олег «Бушка», Олег «Дятел» всё молоточком стучит, мастерит что-то изящное, тонкое, вот и прозвали дятлом. Вадим

слав у нас алхимик, вечно всякие материалы смешивает, золото создать хочет, то у него не догорит, то перегорит, то, вообще, сгорит всё, вот и прозвали Недогарком. Игоша, тот на лодьях ходит, плотник по совместительству, если на лодье что поправить надо – сам может сделать, да Иван – строитель: каменщик и плотник.

Я хотел было продолжить «бетонщик, арматурщик, плиточник», но воздержался, вместо этого спросив: «Слушай, а что собой представляет дружина, гридни – это дружинники, а вои – это кто, а новики?»

Тут вступил в разговор Боян.

– Есть у нас в слободе старший дружинник князя – боярин Микула Селянинович, который носил золотой пояс. То есть он входил в старшую дружину охраны самого князя. Был он нашим боярином, да погиб в сече на реке Висла.

Я вспоминал историю, в которой говорилось о трёхстах «золотых поясов» Великого Новгорода, типа конкретная местная элита, так сказать, пупы земли русской. Возможно, что именно сейчас закладывается будущее богатство этих родов. Их самостоятельность надоест Ивану Грозному, который её и урежет, низведя статус Великого Новгорода до обычного уездного городка. Вернувшись на землю от этих воспоминаний, я обратился к Бояну: «Не родственник наш?»

– Нет, он же боярин.

– Ну и хрен с ним тогда, помер и помер, дальше бай, Бо-

ян-баюн!

– Дружины состоят из профессиональных воинов. Старший дружинник – боярин, подчиняется князю. У каждого старшего дружинника есть собственная, младшая дружина: военные слуги – отроки и дружинники – гридни. Вот ты с несколькими парнями и есть боярские гридни. Вои – это наше ополчение типа нас – мастеровых, торгашей, просто удалых ребят. Мы пошли в поход как городские вои, находясь в обозе. А отроки, ты их новиками назвал – это есть воинская молодёжь, они только учатся воинскому искусству, и в тоже время помогают боярину в походах.

– Аналог денщика «стой, держи, неси, бросай, иди, мальчик, не мешай». Вы – это городские вои, то есть из города, а ещё какие есть?

– Племенные, что с деревень или отдельных племён приходят на службу, но мы, городские, круче их, наш статус выше. Зачастую, наши бояре или князья приглашают наёмные войска. Так что, когда идём на войну, бывает, что и иноземные воины идут рядом в качестве княжеских наёмников.

– А кого нанимают князья?

– Тех, кто есть под рукой, того и нанимают: славян, германцев, нурманов, угров-венгров, угров с Печоры и Карелии, ободритов, лютичей, печенегов, эстов и жмудь разную, половцев, татар, мерю и людишек остальных народностей с Поволжья или с юга с Дикого поля.

Слушая Елизара, про себя подумал: «Э-э-эх, ёлки-палки,

всех своих товарищей, да молодых родственников собрал в плену. Потеряли наши семьи своих родных благодаря «умному и прозорливому» воину Святозару».

Нужно отметить, что это не семьи будущего с одним ребёнком. Сейчас у всех куча братьев и сестёр, у них свои дети, у тех свои, и все живут рядом, входя в род. Так что оставшиеся помогут тем семьям, чьи мужчины не вернутся из похода. Что же, придётся за молодёжью присматривать, да и за остальными тоже, – вновь подумал я, а вслух сказал, – ничего, други, раз попали сюда все вместе, то и выбираться из плена будем вместе, никого не бросим».

– Верно говоришь, Свят, всем вместе держаться надо.

На этой оптимистичной ноте все снова замолчали, думая свои думы и наблюдая за окружающей обстановкой. Я смотрел на своих товарищей – ребята были рослыми, как истинные северяне, крепкими и уверенными в себе молодыми людьми. Одни были жилистые и поджарые, другие – настоящие богатыри. Так ростом в два метра или «хорошо» за 190 сантиметров, статью, крепкими костями и мощностью мышц отличались Медведь, Волк, Горыня – человек-гора, Добрыня, Вадислав, Выюн, Любомир, да и новик Первуша через пяток лет станет громилой. Одним словом, по своей конституции они походили на Виктора Калинина из моей прошлой жизни – здорового от природы и спортивного образа жизни мордovorота. Витимир и Донвой являлись такими 170-сантиметровыми накачанными «квадратами» с мощной грудной клет-

кой и руками, а Лавруша, Игореша и Боян невысокими ростом, худенькими, но подвижными и жилистыми ребятами. Отроки были физически вполне развитыми пацанами. Худощавостью и жилистостью при 180 сантиметрах росту отличались я и оставшиеся парни. Вот такой коллектив сейчас окружал меня, те люди, с которыми мне придётся делить невзгоды и радости.

– Елизар, а как наша фамилия?

– Лукошкины мы?

– Какие Лукошкины?

– Мы живём в средней части слободы, значит, средние Лукошкины, Уголёк, тот нижний, а Митяй с верхнего края – верхний Лукошкин.

– С именем хорошо получилось, а вот фамилия у нас, прямо скажем, не очень героическая.

Я на минуту закрыл глаза, вновь представив себе летописи будущего: "И пошёл войной великий князь всея Руси Святозар Лукошкин Средний воевать врагов земли русской и победил их. С тех пор на Руси воцарилась княжеская династия средних Лукошкиных. Слава великому среднему Лукошкину!"

– Н-да, с фамилией надо будет в будущем что-то делать. Как гласит народный юмор по такому поводу «Пришёл мужик в паспортный стол и говорит: «Хочу изменить свои инициалы.

– А вы кто, как зовут?

– Зовут меня Иван Говнюк.

– Отлично, а кем хотите стать?

– Василием».

Затем, переключив своё внимание, стал рассматривать других людей, сидящих в загонах: мужчин, женщин, детей. Всех их скоро купят и разъедутся они рабами по разным уголкам Причерноморья: в Византию, Дакию или что там сейчас – Болгарское ханство, к хазарам и печенегам. Эх, скоро и нас купит какой-нибудь "хозяин жизни".

Несмотря на раннее утро, базар бойко шумел разноязычным гомоном. Я видел, как мимо загонов с нами проходили нурманы-викинги: даны, норвеги, шведы, каким-то ветром занесённые в эти края. Хотя известно, каким ветром. Небось, продали свои мечи византийским придворным и сопровождают их в торговых походах или грабежах, как честных торговцев. Вон идут даки – будущие румыны, валахи, молдовашки и мадьяры. Следом шествуют кочевники-печенеги, которых через пару сотен лет разобьют византийцы, устроив геноцид этому народу, вырезая всех, включая детей, а их остатки растворятся среди болгар, турок-сельджуков и мадьяр. Проходили и славянские купцы из древлян, кривичей, сербов и «один великий Хрен» знает, кого ещё. Все они смотрели на нас, словно на пустое место, одно слово – рабы. И я с высокомерием смотрел на этих людей, как говорится "от тюрьмы, да от сумы не зарекайся".

– О чем задумался, Свят?

– Сижу и обдумываю наше положение. С одной стороны, братцы, всё хорошо!

– Хм, а с другой стороны?

– А с другой стороны – мы!

К хозяину загона обратился купец, по виду типичный грек, с интересом смотрящий на нас. Возможно, что прибыл наш покупатель.

– Эх, греки – народ жестокий, из свободных работников все соки выжимают, а из рабов и говорить не стоит. Хотя, кто знает, что лучше – у византийца или богатого кочевника-печенег вкалывать? Похоже, что нас купили или почти купили.

Через некоторое время к нам подошли пара греков и печенег – хозяин загона, сообщившие нам радостную новость.

– Я, почтенный Гармах из Афин, беру этого шустрого и ещё тринадцать северян.

«Грек, – обратился я к нему, – купи всех нас, не прогадаешь!»

– Зачем мне все, раб?

– Мы команда, хорошо сработались, больше пользы принесём.

– Нет, хватит десятка и ещё четырёх. Афиноген, тебе не нужны северяне?

«Что умеете? – спросил спутник Гармаха.

– Есть воины, есть мастеровые, но тоже воины.

– Нужны гребцы на галеры, а мастеровые – у нас мастера

лучше ваших варваров.

– Зато мы сильные, грести хорошо будем, господин Афиноген.

– Откуда наш язык знаешь, варвар? Хотя и коверкаешь слова, но понять тебя можно?

– Век живи, век учись. Я чувствовал, что нужно знать язык самой просвещённой нации мира, вот и учил. Бери всех, пригодимся!

Афиноген развернулся к почтенному Гармаху.

– Гармах, покупай, кого хочешь, остальных заберу я.

– Хорошо, Афиноген, забирай остальных, по соседству жить будут.

На прощание я окинул взором девиц, которые недавно стояли перед нами в очереди. Они смотрели на нас с горечью и жалостью, а их глаза, как будто говорили: "Вот ещё одних земляков уводят. Прощайте, родичи".

Глава 2. Куда это я попал

Когда мы все собрались на корабле, Гармах познакомил нас с правилами, действующими в его поместье. Мы должны были склоняться в пояс при встрече с ним и обращаться к нему не иначе как «почтеннейший господин Гармах». Мы все понятливо кивнули головой, народ побухтел, а я пошутил.

– Это ничего, раз ему так нравится, можно и называть. Хуже было, если бы он обязал нас делать что-то иное.

– Например, Свят?

– Например, как говорится в народном эпосе: «Приходит староста деревни к односельчанам и говорит.

– У меня для вас две плохих новости.

– Какие?

– Первая – барин ввёл правило первой брачной ночи.

– Так он же мужчин предпочитает!

– А это вторая плохая новость».

Так что нам очень повезло, что почтеннейший Гармах всего лишь тщеславен. Было бы намного хуже, если у него были другие пристрастия.

Во время нашего морского перехода на одной из остановок я вспомнил об одном очень важном вопросе, после чего обратился к товарищам.

– Год-то сейчас какой?

– 6276 от сотворения мира.

Чтобы вычислить год от сотворения мира необходимо к текущему году, то есть времени, прошедшему от Рождества Христова, прибавить цифру 5508. По мнению древних авторов, именно столько жило человечество до рождения Христа. Вероятнее всего, время стали отсчитывать после какого-то катаклизма – потопа или обледенения, в результате которого человеческие популяции сохранились на отдельных территориях.

Так, согласно инструкции, я отнял от названного года нужную цифру и получил 768 год нашей эры. Русы, как и остальные славяне, включая западных, южных и восточных, вели своё летоисчисление от сотворения мира. Озадаченные данной новостью, мои мысли плавно перескочили на следующий вопрос.

– Что мы имеем на сегодняшний момент в плане политической обстановки в мире?

Я стал усиленно вспоминать все то, что читал в книгах или смотрел по телевидению в разных исторических передачах. История – это наука ассоциаций, попыток расшифровать и встроить в рамки принятой истории информацию из разных древних текстов, подлинность которых или их правильный перевод, ведь писали-то без гласных букв, часто вызывают вопросы или сомнения. Ну и ладно, попал, значит, попал, что-то вспомню, а остальное сам увижу, как оно есть в реальности.

В результате пьянства и дурости я попал в плен к древлянам или дреговичам, которые продали меня печенегам. А сейчас славный парень Саня Королев едет не по своему хотению, а по Гармаховскому велению, на ПМЖ в Византию. Какими сведениями я обладаю по этой стране?

Считается, что Восточная римская империя, которую в то время чаще называли Романия, под натиском армий персов, славян и германцев, в частности, гуннского вождя Атиллы, плавно реорганизовалась в Византию. Примерно в 330 году император Константин свою столицу, город Византий, переименовал в Константинополь, объявив вторым Римом, попутно разбив все германские племена, расселившиеся во времена Теодориха, Гундериха и Атиллы на территории Римской империи вокруг Средиземного моря.

Если судить по исследованиям западных и ряда наших историков, получалось, что леса площадью в 300 тысяч квадратных километров, которые занимают современные западная Германия и Австрия, то есть меньше, чем Томская область в России, буквально кишели германцами. Их хватало как на внутреннюю резню для определения самого главного германца, так и на завоевание всех цивилизованных стран того времени. Согласно историкам, сотни тысяч готов, гуннов, лангобардов, маркоманов, вандалов, бургундов, франков – это тоже германские племена, шли на завоевание Северной Африки, Испании, Галлии, Италии и других частей Западной и Восточной римских империй. Как говорит-

ся, расплодилось настолько, что деревьев на всех перестало хватать, отчего пошли на завоевания соседних лесов.

Хотя, с какой это стати Атилла – германец? Его считают правителем гуннов в 434—453 годах, объединившим под своей властью тюркские, славянские, германские и другие племена, создавший державу, согласно официальной истории, простиравшуюся от Волги, а не от Енисея или Сырдарьи, до Рейна. Кто такие гунны согласно официальной истории? Это есть кочевой народ, живший в полупустынных степях восточного Казахстана и такой же пустынной Джунгарской равнине западного Китая, в предгорьях холодного снежного Алтая и Тянь-Шаня. Получается, что казахи, тубалары, жужане и прочие буряты с китайцами и есть прародители чистокровной арийской нации Германии и всей Европы. Ведь армия Атиллы, захватив территорию, сразу начинала тесно общалась с женским населением покорённых земель, меняя европейский генофонд на азиатский. Так что германцы были обычными покорёнными племенами. Папа и мама у него гунны – желтолицые узкоглазые азиаты, а сын чистокровный белокожий германец.

Но это тоже полная ерунда. В тех краях сроду не было многочисленных кочевых племён, что обусловлено условиями жизни в суровых и засушливых районах. А если посмотреть на монеты с изображением Атиллы, то на них явно отчеканен профиль европейца. Есть несколько версий происхождения имени Атилла, причём, данные средневековы-

ми историками. С тюркских языков согласно первой версии оно соотносится с Итиль, Атиль (Волга) и означает «человек с Волги», по другой происходит от слова «атлы, атли», что означает «прославленный», по третьей восходит к слову «ата, атта» – «отец», «главный». Согласно картам 1500-х годов, которые можно увидеть в открытом доступе, и описаниям древних историков, сарматы были высокими беловолосыми воинами, которые проживали на территории, простирающейся от современных Архангельска и Питера до Воронежа. А ниже, от Воронежа до Азовского и Чёрного морей в поволжских, донских и днепровских степях раскинулась Скифия. Получается, что Атилла был скифом, о чём косвенно говорит официальная история, ибо «его империя простиралась от Волги до Рейна». И вот в эту империю входила небольшая даже по меркам 21-го века территория Германии.

Касаясь казусов истории, обратимся к Грузии, которую исторически называют Иберией. Иберия или Иверия – это древнегрузинское государство

Картли со столицей Мцхета. Историками используется термин «Кавказская Иберия», чтобы отличить его от полуострова Иберия, то есть Пиренейского полуострова с Испанией. Самое интересное состоит в том, что грузинский и басконский языки сильно похожи. Получается, что баски – это грузины, натурализованные в Испании, ибо никто никогда не находил исторических сведений о том, чтобы баски завоевали Грузию.

От общих размышлений я перешёл к конкретике. Правит сейчас Византией довольно умный правитель – базилевс Константин V по прозвищу «Навозник», которое дали ему религиозные служители. Он отвечал им взаимной любовью, рубя головы служителям церкви налево и направо. Воюя с церковью и демократической оппозицией, он успевал успешно заниматься внутренними делами государства: укрепил экономику, стабилизировал инфляцию, удержав курс золотого солида на нужном уровне и цены на продукты первой необходимости, установил достаточный для безбедной жизни «МРОТ». Кроме того, за время правления сумел раза в три расширить территорию доставшегося ему от папы царства, вернув в состав Византии большую часть Болгарии, Кипр, Албанию, Македонию, полуостров Малая Азия в границах современной Турции. Доходил он в своих походах почти к Багдаду в Месопотамии.

Сыграли в этих войнах свою роль и русские воины. Известно, что в войне против болгар Константин V вышел в море со своей особой флотилией «русских кораблей», одержав победу в сражении и затем в войне. Умрёт сей муж от болезни 14 сентября 775 года во время своего девятого похода в Болгарское ханство.

Затем на престол взойдёт Лев IV «Хазар», сын Константина V и его супруги по имени Чичак – дочери хазарского кагана. По сложившейся традиции, Лев также женится на Ирине – очередной дочери очередного хазарского кагана. Поначалу

я не мог понять, отчего византийские базилевсы так тяготеют к диким кочевникам с приволжских, дагестанских и донских степей. Оказалось, что хазарский каганат – это не дикая орда, а очень даже цивилизованное государство, созданное одним или несколькими представителями «колен Давидовых», то есть евреев, исповедующих иудаизм. Все равно, странно, зачем высшие сановники оплота христианства брали жён из иудеев? Христианок не хватало, что ли, или очередное белое пятно истории?

В отличие от боевого папы, Лев окажется посредственным руководителем державы, который быстро загнётся от дум великих, да супружеской жизни. Заездит его неутомимая хазарка Ирина, постоянно требуя большой и чистой любви. Перефразируя известного русского поэта прошлого, об этой ситуации можно сказать следующими словами:

«Лев мужем был покорным, тихим

И, слушая жены приказ,

Любил её в день десять раз.

Бывало, ноги чуть волочит,

Желанья нет, хоть застрели,

Она же знать того не хочет,

Изволь её люби!»

Естественно, существует официальная версия неожиданной кончины Льва Хазара по причине того, что он одел на свою царскую голову отравленную трупным ядом корону Маврикия – последнего византийского императора из дина-

стии Юстиниана, извлечённую из могилы этого императора. Затем руль страны достанется его пятилетнему сыну по имени Константин VI, а в качестве регентши государством станет править мама Ира. Когда сын подрос и сам захотел командовать, мама оказалась против. Образовался конфликт мам и детей, который Ирина решила в свойственной царским особам Византии манере – взяла и отравила своего двадцатилетнего сына. Правила она ещё 10 лет, пока казначей Никифор не совершил очередной госпереворот. Бездарные руководители этого времени снова потеряют часть своих земель.

С Византией понятно, а чем меня загнивающий Запад порадует, какие там существуют политические реалии? В Риме сейчас заседает Папа римский Стефан III, плетя интриги против лангобардов. Лангобарды, естественно, германцы, но приплывшие в Германию из Швеции, так что все-таки скандинавы, но, согласно историкам, германского происхождения, потому что они скандинавские готы. Лет сто назад они захватили Моравию, Паннонию и Северную Италию, создав королевство лангобардов. Сейчас же пытаются расширить и углубить свою территорию, активно домогаясь папских владений. Папа римский из-за этого очень расстраивается и пишет ноты протеста, на которые король лангобардов Айстульф «кладёт» свою резолюцию. А тут ещё Константинополь из-за наступления арабов отказывает Папе в помощи.

В этих условиях в 754 году очень расстроенный Стефан

поехал в Париж к франкам, где заключил союз с Пипином Коротким. Наверное, между ними состоялся разговор примерно такого содержания.

– Любезный Пипин, ты должен помочь мне укоротить Ай-стульфа.

– Папа, в натуре, ты просишь нереальные планы.

– Что тебе нужно, сын мой?

– Позолоти ручку.

– Пипинчик, дорогой, у папы нет денег. Сам понимаешь – бизнес в упадке, лангобарды отжали несколько моих фирм и фазенд, сами гонят контрафакт, налогов не сдают. Может быть, есть другие варианты? Как ты смотришь на то, чтобы стать королём?

– Стать королём? А почему бы и нет? Ясен пень, я хочу стать королём! Короче, Папа, помажь меня, чтобы я стал королевской крови, а я твои проблемы порешаю.

– Не вопрос, сын мой, папа сказал – папа сделал!

Так что «чисто по-папски» в базилике Сен-Дени Стефан III «помазал на царство» Пипина, объявив того королём франков Пипином Третьим – главным после Папы защитником христианской церкви.

Так что, жил да был при королевском дворе Меровингов майордом Пипин Короткий – бугор типа премьер-министра. Не знаю, может, у него что-то ещё было коротким, кроме роста, но ум у мужика однозначно был «длинным». Отпипинив всех конкурентов в лице принцев крови и герцогов одрях-

левшей королевской династии Меровингов, при помощи папы Стэфа, Пипин Короткий стал королём франков, положив начало династии Пипинидов. А затем занялся укреплением своего Пипинного королевства, грамотно ведя как внутреннюю политику, так и захватнические войны. И будет он править королевством как раз до конца 768 года. То есть уже совсем скоро Пипин 3-й помрёт, на радость любящим его соседям.

Но самое главное из того, что он сделал для Франции, так это родил Карла Великого, который 20-летним юношей взойдёт на престол франков. И станет новый король настолько успешно «бить морды» соседям, расширяя своё королевство, что в 800 году объявит себя императором обширной Франкской империи, в состав которой войдут современные Франция, Швейцария, часть Каталонии – испанская марка, Австрия, ФРГ, Бельгия и Голландия, называемые в то время Фландрия и Фризия. По какой-то причине, а скорее из-за личных амбиций, Пипинидом он называться не захочет, отчего переименует свою династию и себя – её основоположника, в династию Каролингов.

А с востока Византию подпирает третий, пожалуй, что самый мощный игрок на политической арене того времени – Арабский халифат, жителей которого в Европе называли сарацинами. Правит им второй халиф из династии Аббасидов, знаменитый Абу Джафар Абдуллах ибн Мухаммад, называемый «аль Мансур» или «Победоносный», чей прародитель

аль Аббас являлся дядей самого пророка Мухаммеда. Это был правитель, который рядом победоносных военных кампаний возвеличил мощь халифата.

Как и Константин Пятый, аль Мансур покинет этот мир в 775 году, после чего на трон взойдёт его сын Мухаммад аль Махди, третий халиф из династии Аббасидов, который проправит государством десять лет. Он будет не таким воинственным, как его беспокойный папа, но тоже накостыляет византийцам, дойдя со своей армией до стен Константинополя. А вот после его смерти халифом, то есть «царём царей», станет ещё более известный в будущем правитель по имени Гарун «аль Рашид», что означает Гарун «Праведный». Это имя не помешало ему инициировать убийство своего старшего брата аль Хади и стать халифом.

Однако, в настоящее время единства в правящей верхушке халифата не было. Ближним Востоком, Аравией, Персией, Пакистаном, Афганистаном и Средней Азией, правили победители внутренних разборок Аббасиды. Испания и Магрибский Марокко были под властью династии Омейядов. Именно халифы Омейяды за 50 лет захватили основные территории халифата. Однако, к 745 году они проиграли Аббасидам битву за центральную власть в халифате, после чего все, кто успел, сбежали в испанские владения, а кто не успел - украсил своей срубленной головой стены Дамаска. Другие страны Магриба, включая Ливию, Тунис, Алжир, а также Египет, находились под властью набирающих силу Фатими-

дов – потомков Али ибн Абу Талиба и Фатимы – зятя и дочери пророка Мухаммеда. Пока они формально признают верховную власть Багдада, но после смерти Гаруна и узурпации власти его младшим сыном аль Мамуном, сопровождающуюся внутренними войнами, распадутся на несколько халифатов.

Нельзя сбрасывать со счетов поднявшие головы города-государства Геную и Венецию, уже имеющих приличный флот и ведущих относительно успешные торгово-захватнические войны. Генуэзских и венецианских купцов можно было встретить в каждом мало-мальски богатом городе, они расползались по странам Средиземного и Чёрного морей, словно тараканы.

Ещё активно грабили всех, до кого могли дотянуться, были скандинавские викинги, арабские пираты из Туниса, Марокко и Алжира, а также средиземноморские пираты Сицилии, Корсики и Сардинии. Такие вот политические расклады были в Средиземноморском бассейне, где мне предстояло жить.

А что же в моей родной Руси делается? Тут меня потянуло в размышления о своих взглядах на неправильность известной мне истории, особенно в части, касающейся истории Древней и Средневековой Руси.

К шестому веку византийцы сокрушили королевства вандалов в Северной Африке, остготов в Италии и вестготов в Испании, вновь превратив Средиземное море в «Ромейское

озеро». Несмотря на эти успехи, многократно при прямых столкновениях со славянами, славянские войска одерживали победы. В 551 году славяне разбили византийскую конницу и взяли в плен предводителя византийской армии Асбада. В 597 году при осаде города Солуни, славяне применяли камнемётные машины, «черепахи», железные тараны и крючья, разрушив и захватив город. Чего-то не поделив с базилевсом, славяне вновь захватывают Солунь в 610 году, остров Крит в 623 году, напав на Константинополь в 626 году. Византийские летописи сохранили сведения ещё о двух крупных русско-византийских войнах 830 и 860 годов. Обе экспедиции были морскими и оба раза русские стояли у стен Константинополя. Так что славяне мало того, что были победоносной нацией, но уже шесть тысяч лет вели летоисчисление, то есть были образованными людьми, занимались строительством, в том числе военных крепостей, кораблестроительством, мореплаванием, торговлей и войнами.

На Руси, куда я попал я, были мощные города-государства: Великий Новгород, Ярославль, Суздаль, Рязань, Владимир, Ростов Великий, Муром, Самара. Конечно, официальная дата образования данных городов определена более поздними датами, но все они стоят в местах, где шли торговые пути «из варяг в греки, персы, арабы, индусы, китайцы» и так далее. Однозначно, в этих узловых местах возникали поселения, которые уже в те времена развились в большие торговые города. Другое дело, что в какой-то период истории

они получили привычные нам названия, а дату переименования приняли за дату образования города.

Сейчас Великим Новгородом «рулит» довольно воинственный князь по прозвищу Бравлин, который вскоре осуществит военную экспедицию до самого Крыма, по пути разгоняя орды печенегов, хазар, половцев и остальную камарилью. Из описания жития святого епископа Стефана Сурожского, участника 2-го Никейского собора, прошедшего в 787 году, князь Бравлин в Крыму пленит всё от Корсуни (Севастополя) до Керчи. Хотелось бы поучаствовать в этом походе...

А затем удар кнута по спине вернул меня из страны высоких материй в примитивную реальность, а то я, находясь в «думах о России», выпал из общего ритма, совсем забыв о том, что надо грести. Так что, в настоящее время дела «высокой политики» были от меня или я от них очень далеки. Передо мной, великим попаданцем, стояла задача не захвата мирового господства, а простого выживания.

Мы поднимались по Дунаю, а вокруг простирались леса и степи Валахии. Впереди была Дакия, более горная и дикая область будущей Румынии. Парни гребли против течения этой могучей реки, а мимо нас сновали небольшие лодки местных жителей, одномачтовые кораблики, напоминающие баркасы, и галеры. Одни везли грузы, другие ловили рыбу, третьи просто куда-то перемещались по важным делам, одним словом, жизнь кипела жизнью.

За эту неделю плавания моя спина, как и спины товарищей, стала загорелой и разукрашенной «в полосатый флаг» следами от ударов плётки. Нас не запарывали до крови, но надсмотрщики периодически стегали всех гребцов кнутами для профилактики и поднятия боевого духа, ибо злой гребец – хороший гребец, а добрый – ленивый.

Мы подошли к изгибу Дуная, где возле городка, который в будущем будет называться Галацем или Галати, была довольно бойкая ярмарка. Гармах общался с капитаном корабля по имени Пердикл.

– Пердикл, что скажешь о новых гребцах?

– За неделю набрались опыта, сработались, вёслами ворочают, как надо, но главное, все здоровые, как медведи. У господина Афиногена тоже парни, что надо, хотя малость слабее будут. Удачно вы этих варваров купили. А когда дойдём до Афин, господин Гармах, то они все научатся хорошо грести.

– Значит, не зря заплатил.

Наше начальство, чтобы не платить портовый сбор, встало примерно в трёх кабельтовых от ярморочных причалов и пошло смотреть на товар. Вскоре человек десять гребцов выдернули со своих мест и под руководством комита Ахалеса,

порядочной сволочи, мы побрели, гремя цепями на босых ногах, к этому рынку. Там нам с радостью от удачной сделки вручили выделанные бараньи шкуры, которые мы легко и весело понесли на галеру. Если кто-то ронял шкуру или выражался некультурно, даже на своём языке, тут же полу-

чал нежное "с оттягом" поглаживание плетью по спине или рукам.

– Ослы криворукие, ещё раз вывалите шкуры господина Гармаха в пыли, заporю!

– У ослов нет рук, господин Ахалес.

– Ты учить меня вздумал! Думаешь, что я такой же тупой осел, как и ты, что не знаю, что есть у ослов, а чего нет?!

– Никак нет, господин Ахалес, вы намного умнее.

– Надо же, глупый раб, сравнить мой ум и ум осла!

– Так точно, господин Ахалес, вы умнее всех ослов вместе взятых.

– То-то же! Наконец-то хоть одна умная мысль родилась в твоей примитивной башке, варвар.

Весь вечер Гармах, Афиноген и капитаны обеих галер пировали, обмывая удачные сделки в Олешье и Галаце. Нас тоже покормили местной мамалыгой, хоть и «пустой», зато много. После тяжёлого дня на вёслах мы мирно спали, сразу вырубившись. На небе висела круглая Луна.

Я проснулся от какого-то нехорошего предчувствия. Продрав глаза, я лежал, став незаметно для себя, прислушиваться к окружающим звукам. В тишине ночи слышал плеск волн, характерный тому, когда по воде кто-то идёт, и шёпот человеческого разговора.

«Парни, подъём», – я тихо стал будить товарищей.

Через минуту послышался шорох, который создают взбуряющиеся по бортам корабля люди.

– Полундра, грабят! – заорал я, схватив лежащее вдоль прохода весло.

Над бортом появилось три фигуры, которых я просто смахнул этим веслом назад в воду. Махать в одиночку таким бревном тяжеловато, поэтому мы его держали вдвоём с Дмитрием. Проснувшаяся охрана вступила в бой с поднявшимися на борт даками. Мы тоже стояли с вёслами, тыкая ими, если требовалось в высовывающихся над бортами грабителей. Поднятый шум и вооружённая охрана своё дело сделали. Тихо напасть и уничтожить нас не получилось – нападавшие получили отпор, поэтому решили не геройствовать, а поискать более лёгкую добычу.

– Кто поднял тревогу?

– Гребцы, господин Гармах.

– Караульным по 10 плетей, гребцам по куску мяса, заслужили.

Потом был тяжёлый переход вдоль берегов Румынии и Болгарии. Вот он Босфор – длинный пролив, забитый лодками и кораблями всех мастей. Мы входим в устье и гребём километров пять по этому проливу. Нас встречает город-крепость Иерус, как он называется в наше время, являясь закрытым для посещения памятником прошлого. А в давние времена он назывался полным названием «Иерусалим».

Прошли мы крепость под парусами, а затем снова прошла команда гребцам взяться за весла. И погребли мы к славному городу Константинополю. Красивые купола церквей с

мозаичным орнаментом, построенные в византийском стиле, огромный собор Ийя София, дворец базилевса – комплекс Топкапы, выходящий своим двором и окнами на залив Золотой рог, виллы богатых сановников и мощные крепостные стены города. Как тут не вспомнить, как в исторических книгах описывается город Иерусалим эпохи царя Соломона – его знаменитые постройки один в один совпадают с вышеперечисленными сооружениями. Проплывающие мимо нас яхты богатых византийских матрон вызвали острое желание сбежать из плена. Периодически с этих судёнышек нас окрикали дамы.

– Красавчики, куда плывёте? Эй, хозяин, продай белокурых мальчиков.

– Не продаются, госпожа, самому нужны.

Наш же путь лежал к греческому городу Солунь или Фессалоники, который в России почему-то называется Салониками. Здесь, где в будущем будут курорты Эгейского моря, на богатой вилле, окружённой полями с пшеницей, садами с оливками и мандаринами, жил и работал почтеннейший, а иначе он себя и не называл, купец Гармах Камарас. Километрах в пяти от поместья располагалась вилла его брата Афиногена.

Глава 3. Новая жизнь путешественника во времени

Прибыв в гавань Солуни, галера пришвартовалась к указанному лоцманом пирсу. Дальше были бизнес-дела Гармаха и портовых властей, после чего купец поехал домой на колеснице с возницей, а мы под присмотром нескольких наёмников потопали пешком вслед за «почтенным».

Вилла мне понравилась, а вот сарай, куда нас определили жить, не очень. Во двор вывалила челядь, свободная от работ в полях, посмотреть на новых жителей усадьбы. Здесь были девушки, дети, взрослые женщины и старики.

Гармах по каким-то своим соображениям сделал паузу и никуда не снаряжал свои корабли. Все экипажи гребцов, прибывая на других кораблях "Гармах и Афиноген компани", как я её про себя назвал, размещались на своих местах в сараях для рабов. Вечером по территории бегали злые здоровые псы, которые нас пока не знали и злобно рычали на новичков. «Надо будет прикармливать эту шайку-лейку, вот только чем, если они жрут мясо, а мы кашу?» – подумал я про себя.

Другая часть рабов была местной элитой. Они проживали в доме и прислуживали непосредственно хозяевам. Ещё часть народа была вольнонаёмной, приходящей на виллу

днём на работу. На территории поместья были обустроены склады, где хранился товар на продажу и запасы для личного пользования.

Что сказать о своей новой жизни. Я снова оказался на полном обеспечении, то есть денег мне не платили, а если я нашёл деньги, то обязан был её сдать управляющему Папасу. В личном пользовании я имел переданную мне по наследству от погибших рабов деревянные ложку, плошку и кружку. Ещё у меня теперь была ежедневная рабочая одежда и парадно-выходная. Естественно, все это было самым простым льняным одеянием, без вышивок и других изысков. Свою нарядную воинскую одежду у меня отобрали ещё в плену, оставив лишь домотканые штаны. Но все равно, их я снял, ибо они у меня для гребли предназначались, а по территории ходил, как все.

Из молодёжи мне приглянулась одна черноволосая девушка, к которой обращались по имени Рада. Также обратил внимание на двух молодых людей: один толстяк пришёл нами сразу командовать, а второй парень годков восемнадцати был высокий, кряжистый, очень узколобый с шириной лба в один палец, и угрюмый, на которого многие тётки в возрасте орали, что он тупой.

Я не знал, тупой он или нет, но то, что он был очень спокойным, раз позволял на себя орать всяким недомеркам, было неоспоримым фактом. Однако, когда он без особых усилий приподнял за колесо телегу, вытаскивая её из расщели-

ны в земле, с лежащим на ней зерном весом килограммов в 500, я присвистнул. Звали местного Геркулеса очень эротично – Мамон.

Нас покормили гораздо хуже, чем когда мы плыли, а дальше, чтобы не расслаблялись, отправили на поля поливать растительность. Полив был делом нужным, но напряжным. Черпать воду мы были должны глиняными амфорами, точнее говоря, их разновидностью: большими, литров на 10-15, горшками для воды под названием динос и поменьше кра-тер. Мне было непривычно оперировать древними единица-ми измерений типа локтя, сажени, фунта, парсанга, ритла, литрона, зиры, манны, мискаля, араша или гезы, поэтому я всё переводил в привычные мне метрические значения веса, объёма или длины.

Перед нами, стоящими в подобии строя, разорялся мест-ный пахан-надсмотрщик, с довольно понятным «погоня-лом» Папас Руфус.

– Не приведи бог, если вы разобьёте динос. Это будет последний день в вашей никчёмной жизни. Все вы, убогие, вместе взятые стоите меньше, чем этот динос. Вы, дебилы, стоите дешевле любого скота почтенного Гармаха, так что за любую провинность я с вас семь шкур спущу. Ко мне обра-щаться только по очень важным делам. А разве у вас, дикари волосатые, есть важные дела? Вы тут никто и звать вас ни-как. Поэтому все заткнулись и пошли работать. Солнце ещё высоко!

Слушая его пламенную речь, никто из нас итак не болтал, а после такого напутствия говорить совсем расхотелось. Мы брели, позванивая нашими погремушками на ногах, тащили эти диносы с кратерами и думали о весёлом прошлом. Ещё нам дали какие-то колышки. Проводить к месту работы нас взялся местный босс из рабов, которому что-то буркнул Папас.

– Слушайте сюда, тупые варвары, зовут меня Амброс. Я старший помощник господина Папаса, поэтому слушаться меня вы будете беспрекословно. Вам ясно?

Молчание было ему ответом. Всю дорогу, а это было километра четыре, этот старший помощник не затыкался, рассказывая, какие тут царят порядки и что он тут самый главный из рабов.

Я подошёл поближе, чтобы лучше разглядел его физию. Есть поговорка, что у некоторых людей такая масляная морда, что на ней можно поскользнуться. Вот у него и была именно такая рожа. Весь какой-то гладенький, сытенький, со слащавой халдейской улыбкой, но, в тоже время, как только он чувствовал власть, сразу становился наглым и хамовитым. Я не знал порядков, которые действуют на этой вилле, поэтому молча слушал его разглагольствования, особо не обращая на него внимания.

Мы пришли на поле с высаженной цветной капустой. Наша задача была её полить, вырвать сорняки и окучить. На другой стороне поля копошились девушки и дети, занимаясь

тем же самым. Амброс стал раздавать указания.

– Вон река, кратеры вы принесли с собой, одни таскают воду и поливают, другие окучивают политую капусту.

Я поглядел на капусту, на Солнце, находящееся в зените, взял этот глиняный горшок и попёрся за водой. Разбившись на пары, вчетвером мы таскали воду в двух диносах, а остальной десяток принялся дёргать траву и колышками рыхлить землю. Все с детства были привычные к такому труду, так что все было ясно и понятно, как и что делать.

Мимо нас важно прохаживался Амброс, периодически спотыкаясь о земляные комья и поскальзываясь на траве. Вскоре ему это надоело, и он улёгся под оливу, растущую на краю поля.

К нам подошёл один из надсмотрщиков, у которого вдоль тела неестественно висела рука.

– Амброс, ленивый потрох, ты чего тут разлёгся? Иди к бабам, помогай им таскать воду – тут ты только мешаешься под ногами.

Амброс подорвался и быстро заковылял к женскому коллективу, а надсмотрщик стал разглядывать нас.

– Слаженно работаете, как это вас, таких добрых молодцев, угораздило в плен попасть-то?

– Напились, вот и повязали нас.

– Хе, да уж, вояки.

«Чего с рукой?» – обратился я к мужику.

– Раньше воевал, был катафрактом базилевса, потом кон-

тракт закончился, ушёл на вольные хлеба, был в охране галереи господина Гармаха. А рука – в одном бою неудачно схватился с врагом, который и вывернул мне её. Это месяца четыре назад было. Выжил я тогда, защитившись щитом в другой руке, да только после того боя боец из меня стал никакой, вот и перевели в надсмотрщики.

За годы службы в вооружённых силах СССР и России я, конечно, проходил медподготовку по оказанию себе и товарищам первичной помощи, ибо без общих знаний о своём организме и методах его восстановления в боевых походах нельзя. И товарищей подведёшь, и сам пропадёшь, если не знаешь, как устранять вывихи и другие аналогичные травмы. А такие моменты в походах бывают сплошь и рядом – неудачно на камень наступил или спрыгнул и, ага, растяжение или вывих.

На первый взгляд у мужика был классический вывих плеча – висящая плетью рука и торчащая вперёд головка плечевого сустава. Я думаю, что врачи местной современности также умели вправлять такие вещи, все-таки войны велись постоянно и эскулапы волей-неволей получают богатую практику. Однако, по какой-то причине этому товарищу такой врач не встретился.

– А если к эскулапу обратиться?

– К кому обращался, не знают, что делать, а других тут нет.

– Если потерпишь, что могу попробовать вставить руку

на место?

– Правда, сможешь?

– Попробую. Мышцы за четыре месяца растянулись, рука будет «болтаться», но ничего, стянем бинтом, походишь и восстановишь конечность. Рискнёшь?

– Давай, хуже не будет уже.

– Ну, терпи, дядя.

Мужики с интересом обступили нас, надсмотрщик сел на вставшего на колени на землю Горыню, Елизара я усадил под руку Георгиса, создав опору для руки, сам встал рядом и, пощупав кости и мышцы, аккуратно вправил ему плечевой сустав. Мужик вздрогнул, но промолчал, а затем стал щупать руку.

– Надо же, я снова управляю рукой! Ты великий мастер. Как зовут тебя, воин?

– Святозар, Свят.

– Благодарю тебя, Свят, помог ты мне сильно.

Вдалеке раздался шум – девицы кого-то костерили.

– Что там такое? Так-с, Амброс опять мешает работать Раде. Сейчас пойду, отоварю его по заднице плёточкой.

– Георгис, а что это за перец такой, Амброс? Важный с виду, все свои права качал перед нами.

– Это рождённый рабом местный поганец, мелкий пакостник и наушник. Будьте с ним осторожны, за спиной нашепчет тому же Папасу и будет вам порка.

Георгис быстро потопал на другой конец поля, я мы про-

должили таскать воду. Если рядом с речкой было ещё нормально это делать, то таскать десятилитровый горшок за 100 метров, а дальше шло следующее поле тоже метров в 100 длинной, стало довольно-таки утомительно.

К концу смены, когда мы все прилично запарились, а Солнце ещё не закатилось за вершины оливковых деревьев, я стоял и смотрел на поля. Естественный уклон земной поверхности от реки давал повод для некоторых размышлений. Подошедший охранник спросил: "О чем задумался, Свят?"

– О гидроиригационном сооружении, Георгис.

Однако, увидев его вытянувшееся от удивления лицо, пояснил.

– Хорошо бы канал обводной с запрудами сделать, чтобы к дальним полям проще воду носить было.

Георгис удивлённо посмотрел на меня: «Интересные у тебя мысли, сможешь такое сделать? Такие вещи только очень дорогие специалисты делают».

– Отчего же не попробовать, это вполне решаемо.

Тут мимо нас прошли уставшие, но весёлые девушки, о чем-то щебечущие между собой. Георгис, постоянно трогающий свою восстановленную руку, скомандовал: «Все, работа закончилась, топайте в казарму!»

Так мы и пошли вместе с девушками, с удовольствием перекидываясь шутками. Все говорили на смеси из греческих и славянских слов, так что, в общем, все понимали смысл того, кто чего лопочет. Я тоже не изображал из себя велико-

го и очень гордого вождя, совершенно случайно оказавшемся в ошейнике, а также шутил, рассказывая коротенькие весёлые истории из своей длинной жизни, адаптируя их к месту и времени. Иногда я ловил на себе искристые взгляды девушки. Возле неё плелся Амброс, все время стараясь прилипнуть к ней.

Вечером я собрал своих товарищей и начал объяснять, что я хочу сделать по поводу полива.

– Парни, вот такая моя задумка. Может и вам есть чего добавить? Высказывайте любые мысли, даже те, которые кажутся вам глупыми, толкайте их, не стесняйтесь. Может, что даже неправильная мысль наведёт на нужное решение.

И мы приступили к процедуре, которая называется мозговой штурм, обсуждая, как лучше реализовать задуманное. Однако, никто из хозяев не заинтересовался моим предложением.

Новость о новых рабах была свежей пару дней, когда посмотреть на нас приходили другие жильцы поместья. Вышла осмотреть нас и жена хозяина, сказавшая, что обращаться к ней можно только словами «прекрасная госпожа Диодора». Подойдя и осмотрев нас, новичков, сообщила, чтобы её приказания исполнялись быстро и беспрекословно, а кто её рассердит, тот об этом очень сильно пожалеет.

Я же осклабился про себя.

– Хрен с тобой, принцесса Ди, буду стараться держаться от твоего всевидящего взора подальше.

Вечером я, усталый и немного потерянный от осознания того, куда я попал, сидел на ещё тёплой земле после простенького ужина из каши, рыбы и воды и смотрел, как в пыли возятся дети от 6 до 10 лет. Это дети рабов и днём они тоже работают, выполняя порученные родителями дела, и никаких летних каникул у них нет. Лишь вечером они могут поиграть. Вот и играли они в какие-то догонялки и тот, кто догонял товарища, старался больно его ударить по голой спине или руке – хлопки так и звучали в вечерней тишине. Я поковылял, позвякивая своими ножными "бусами" к кухне, где копошились тётки-повара, чтобы попросить одну вещь.

– Дайте тряпку небольшую.

– Зачем?

– Увидите сами. Видно, им стало любопытно, что я там задумал, и они выдали мне маленькую тряпку, служащую полотенцем. Я потелепал к поросшей травой лужайке и, надёргав её столько, сколько мне было надо, связал небольшой, плотный мяч типа гандбольного. Затем, подзвав мелкотню, выбрал наиболее взрослого и объяснил им, как играть в игру "выбивала", с выбранным напарником лично показав правила. Ребятам она понравилась – было много детского смеха и визга.

– Смотрите, новый раб с детьми возится.

Одна маленькая девочка, которую не взяли в игру, а мячей больше не было, стояла и смотрела то на меня, то на игроков. Мне пришлось снова идти на кухню и просить нож и

колотую дровину. Их мне тоже выдали, и я вернулся на место.

– Свят, чего задумал?

– Вырежу ей игрушку, Вьюн.

И принялся я со всем усердием туповатым ножом вырезать "Ваньку-встаньку". Дерево было мягкое, ещё не усушенное, так что за полчаса одолел я эту игрушку, выковорив внизу шара полость и положив туда голыш, закрыв отверстие кусочком дерева и обмазав глиной. Когда она подсохла, я повалял её по земле, проверив, и она каждый раз поднималась. Вдруг я услышал сзади детский голосок.

– Дядя, а что ты делаешь?

– Игрушку тебе. Её зовут "Неваляшка", играй с ней и не обижай. Девчушка поваляла игрушку, которая поднималась в единственное устойчивое положение и, радостно засмеявшись, убежала показывать игрушку маме. На следующий вечер ко мне подошли двое ребят и спросили:

– А ещё есть игры?

– Есть, конечно.

– А покажи!

И я показал доступную в наших условиях игру на ловкость рук, когда ты подбрасываешь камень вверх и пока он в воздухе, собираешь большее количество игровых камней из рассыпанных на земле, стараясь не коснуться пальцами оставшихся. У ребят ничего не получилось, зато я быстренько насобирав все их, показав "высший пилотаж".

– Тренируйтесь и все получится.

– Дядя, а как тебя зовут?

– Зовите меня дядя Свят.

Мы отдыхали по вечерам, беседуя о жизни, вокруг меня толпились маленькие дети, которым тоже нужна была неваляшка. Так прошло несколько вечеров, никто мне ничего не поручал и мы каждый день, словно папы Карло, таскали эти долбанные кратосы с водой и поливали капусту, баклажаны и другие овощи, растущие на полях.

Судачили пожилые рабыни.

– Необычный северянин к нам попал, смотри, как дети к нему тянутся. А может он сам ещё ребёнок, как наш Мамон, раз играет в игры?

Этим вечером я ничего не делал, а просто валялся на лужайке. Скоро станет совсем темно, и надо будет идти спать. Вокруг меня так же отдыхали усталые за день парни.

– Свят, а расскажи ещё, что ты видел в будущем?

Я подумал опасным рассказывать о будущем в такой обстановке, поэтому с глубокомысленным видом, то есть, почесав затылок, темечко, наморщив лоб, который тоже почесал, изрёк: «Открылись мне сказания о великих делах и героях, действия которых являются примером для нас. Так что давайте я расскажу эти былины вам». Вспомнил я книги товарища Кона «Мифы и легенды древней Греции» и стал «заливать» о Геракле. Вначале меня слушали лишь наши парни, затем стала прибегать детвора из рабов и свободных людей

– работников хозяйства, а также другие рабы и рабыни. Так и повелось, что вечерами раздавался детский крик.

– Дядя Свят сказку рассказывает!

И подтягивался к нашему кружку народ, послушать вечером «аудиокниги».

Я рассказывал истории о Синдбаде-мореходе, пересказывая виденные мной в детстве фильмы «Золотое, Пятое и Седьмое путешествия Синдбада, Синдбад и Глаз Тигра» и так далее, повествуя в лицах о самом Синдбаде, заколдованных принцессах, колдунах Магриба и Лемурии, птице Рух, драконах и циклопах.

– А про любовь есть рассказы?

– Есть.

Затем я перешёл на легенды о Тесее и Ариадне с Минотавром, Персее и Андромеде, вспомнил «Рабыню Изауру», смешав все, что когда-то попадалось: «Поющие в терновнике», «Даков», «Атиллу», «Трою» с прекрасной Еленой, «Анжеликой – маркизой ангелов», «Александра Македонского», «Трёх мушкетёров» и так далее. Так что слушатели вместе со мной представляли монстров, джинов, приключения красавиц и рыцарей. Хотел рассказать что-нибудь космическое, типа «Звёздные войны», но не поймут.

Вскоре на такие вечера стала приходиться и сама Диодора со служанками. Рядом со мной часто садился Боян. Он буквально заслушивался рассказами писателей и сценаристов будущего, проговаривая их про себя, чтобы лучше запомнить.

– Слушай-слушай, Боян, будешь рассказывать людям эти придуманные истории, а там, глядишь, и с нами что-нибудь сказочное произойдёт.

А ещё часто я видел, как смотрит на меня Рада. Ей нравились все наши парни, когда она заглядывала проведать нас, но воспринимали её как товарища. Получалось, что все наши понимали, что она приходит к Святу.

Диодора смотрела на меня и разговаривала с Амбросом.

– Что ещё нового случилось в поместье?

– Северяне сидят молча, покорно, не буянят, с другими рабами не задираются.

– Ещё?

– Северянин Свят показал детям несколько игр, а ещё сделал игрушку – забавная такая, неваляшка называется.

– Ещё?

– Северянин хвастался, что сделает полив полей лёгким и удобным.

– Хорошая идея. Надо разрешить ему это.

– Он хвастун.

– Если хвастун, выпорем.

– Прекрасная госпожа Диодора, а могу я жениться?

– Можешь, а кому такое добро, как ты нужно?

– Раде.

– Не смей меня, Амброс. Это она тебе нужна, но справишься ли ты вообще с ней ночью-то?

Амброс гордо распрямил свои сутулые жирные плечи и

заявил: «Справлюсь, госпожа Диодора!»

Но Диодора уже не слушала его, а смотрела на новых рабов. Сейчас Свят будет рассказывать очередную любовную историю и надо пойти узнать, о чем она будет сегодня.

Глава 4. Ударник рабовладельческого труда

С утра я стоял навтыжку перед Гармахом.

– Мне сказали, что ты, северянин, сможешь сделать полив полей более лёгким?

– Смогу, с помощниками сделаем. Только для работы нужен шанцевый инструмент и кое-какие приспособления.

– Что нужно, нормально скажи?

– Кирки, лом, лопаты, нивелир или инструмент по дереву, чтобы его сделать, доступ к кузне нужен.

Строительство в эти века было на очень высоком уровне, такие высокие, красивые и мощные дворцы и крепости строили, так что инструмент и материал был известен и сделан. Другое дело, что у Гармаха в поместье много чего не было в наличии, зато была своя кузня.

Получив добро на производство работ, мы приступили к этому самому производству. Митрий вырезал из деревянных палок мне черенки для треноги нивелира, сам я изобразил на прямой палке что-то вроде мушки и целика от ружья, чтобы как-то выдержать "горизонт", заготовил себе глиняных пластин, на которых мелом буду записывать замеры.

Посмотрев на лопаты, я внутренне всплакнул и нарисовал лопату «гробарку» из будущего, затем дорисовал и нор-

мальных размеров, а не расплющенную в коровью лепёшку, форму штыковой лопаты. Сделать их я поручил Твердыне, нашему кузнецу, который должен был договориться с местным кузнецом. Чтобы качать мехи я отрядил ему в помощь наших здоровяков Добрыню и Горыню, крупных и физически очень здоровых парней. Всё время рядом с нами и планируемым мной ноу-хау вился Амброс.

– Так, Амброс, для тебя будет дело, достойное такого человека.

– Что ты хочешь, северянин?

– Всё равно вертишься под ногами, поэтому лучше походи к кузнецу и договорись с ним, чтобы он выделил железо на мои нужды.

– Я не могу туда пойти. Я не в ладах с кузнецом.

– Хорошо, тогда иди к девушкам и помоги им.

– Вот это другое дело, я пошёл.

– Иди, иди «Казанова».

Правда оттуда он скоро пришёл злой и весь раскрасневшийся – точно обсмеяли его девицы.

Мужики копали траншеи вдоль полей, «корыто» в земле под запрудой между двумя полями. Я ходил со своим нивелиром, Митяй с импровизированной линейкой из палки тростника, вымеряя уровни, за ним болтался Амброс.

На все это дело смотрел Георгис.

– Свят, чем занят?

– Определяю высотные отметки, чтобы определиться, где

сколько срыть придётся.

– Митяй тебе нужен?

– Да, у него ж метки.

– А почему эта «ошибка природы» просто так ходит. Пять плетей, иди сюда, слизняк!

Амброс приблизился и Георгис стал хлестать того кнутом. Мы с Митяем посмотрели на экзекуцию, которую получал Амброс, а я проговорил.

– Да, а все потому, что ходил просто так. Возьми какой-нибудь инструмент в руки, и ты уже при деле. Взял бы он, например, тот же молоток и мог бы сказать, что «уровень забиваю».

– Так его не надо забивать!

– Ну, так, Георгис же этого не знает. А так сразу видно, что бездельничает человек.

Когда были прокопаны канавы вдоль полей, сделаны небольшие запруды, мы запустили в них воду. По мере рождения оросительной системы мне в голову пришла очередная гениальная мысль – капельный полив, который используется в Израиле, Египте и других жарких странах. Шлангов у меня не было, но был тростник. Вот его то мы, предварительно выбив внутренние перегородки, укладывали вдоль рядов капусты, обмазывали стыки глиной, образуя из них длинные кабель-каналы. Затем возле каждого из растений дырявили дырочки, через которые под их корень начинала капать вода. А чтобы вода не утекала через открытый конец получив-

шейся трубы, его забивали глиной. Девушки были сражены гениальностью решения и перспективой, что теперь не надо будет таскать ведра с водой через все поле, оно само поливается. Мы же были усталые, но довольные.

За эти несколько дней, что мы работали в поле, ребята познакомились с девчатами и женщинами и всегда возвращались с поля домой вместе. Мы болтали с ребятами, в шутку посмеиваясь над казусами, которые с нами случились в жизни или обсуждали местных жителей, а девушки были и участницами разговора, и слушательницами.

Рада, действительно красивая девушка горячеей, южной красотой, вначале немного свысока общалась со мной, но видя, что я на её чары не поддаюсь, а на подколки спокойно отвечаю, без смущения и ответных наездов, как будто не замечаю их, изменила свою манеру общения, став меньше выделяться.

А слушая по вечерам рассказы, получая ответы на свои вопросы о непонятном, так вообще стали относиться ко мне, как к учителю, а я стал для народа «ходячей энциклопедией».

Рада ощущала то, что в знаниях между нами огромная пропасть. Она, обычная девчушка, которая ничего не видела в жизни, и северянин, который знал всё и почти на любой вопрос мог дать полноценный ответ. Это и манило, и пугало её.

В ходе моего бытия в качестве рабочей силы в этом по-

местье образовалась ещё одна проблемка. К сожалению, почтеннейший господин Гармах на супружеском ложе был гость редкий и крайне застенчивый, и как мне доложил Амброс, там он вообще не появлялся уже несколько месяцев. В какой-то великой сексуальной битве на очередном симпозиуме в агоре, его мужской жезл упал и подниматься на новые подвиги не желал.

Насколько я знал древнегреческие традиции, греки и их последователи – византийцы, умели наслаждаться жизнью. Весьма популярным увеселительным мероприятием у них были так называемые «симпосии» или «симпозиумы». После основной части пиршества наряду с винными возлияниями начиналась беседа, иногда интеллектуальная, иногда не очень. Беседовать могли на любую тему – о политике, о войнах, о литературе, на философские темы и темы морали, или обсуждать насущные вопросы – цены на урожай и заморские товары. Чтобы народ не слишком погружался в заумные речи, для них периодически выступали танцоры, акробаты, певцы, а заканчивалось все очень культурно – групповым единением с гетерами, пиршественный зал-то один был.

Диодора приехала на колеснице в поля и стала осматривать наш высокоинтеллектуальный труд, спрашивая у меня, что все это значит.

– Когда вернёшься в поместье, у меня к тебе будет дело, раб.

– Слушаюсь, блистательная госпожа Диодора.

В отличие от Гармаха, которому было за пятьдесят, Диодора была ещё в самом соку где-то под 30 лет, то есть довольно молодая и жаждущая большой и горячей любви, или хотя бы секса. Внешне она тоже была вполне обычной гречанкой, не страшной и не красавицей, нормальной.

– Северянин!

– Слушаю вас, великолепнейшая госпожа?

Она стояла и смотрела на меня, а пауза затягивалась. Наконец она выдала: «Зайди сегодня после полудня ко мне, есть для тебя дело».

– Базару нет, то есть буду со всем почтением, блистательная госпожа.

В назначенное время, я свинтил со стройки и отправился в женскую половину дома, где меня ждала Диодора. Возле сарая наши кузнецы выстругивали и насаживали на черенки лопаты и вилы.

Меня встретила её домашняя рабыня Агния.

– Госпожа ждёт вас.

От меня жутко несло божественным запахом немытого тела, ну и ладно, некогда мне было купаться. Тем более, что до реки путь неблизкий, а просто так меня туда никто из надсмотрщиков не отпустит.

– Святозар, ты знаешь, зачем я тебя позвала?

– Не могу знать, блистательнейшая госпожа.

– Шалунишка, все ты знаешь. Ты понимаешь, что об этом тебе нельзя будет рассказывать никому!

– Амброс, поганец, всё и так узнает. У него какой-то нюх на сплетни.

– Амброс! Да, мелкая гнида. Я его запорю, если он что-либо произнесёт лишнее.

– Давно пора – гнилой человек.

– Он полезен. Иди же ко мне, что ты «как не родной».

Я потопал к ней, попутно гремя цепью.

– Боже мой, как эта цепь мешает.

– Это точно, госпожа.

– Если я распорядюсь тебя расковать, ты же убежишь.

– Куда же я от вас убегу-то?

– Ах, льстец. Иди же и возьми меня.

В общем, чего греха таить, заниматься сексом – это не траншею копать, а гораздо более приятное занятие. Главное в этом деле, чтобы тебя в момент экстаза с голой попой не застал почтеннейший господин Гармах. Ибо Диодора с какого-то момента соития орала, как ненормальная, и все мои попытки её заткнуть успехом не увенчались. Она кивала головой, соглашалась и тут же снова забывалась и «улетала» в громкий экстаз.

– Ах, мой лев, ты подобен героям прошлого, ты словно Геракл в постели.

«А я такой, парнишка заводной!» – я процитировал слова из песни.

– Возьми же меня ещё раз.

– Подожди, блистательная, дай дух перевести, мне ещё за-

пруду делать.

– Забудь о запруде, я – твоя главная работа.

– Госпожа, вернулся господин Гармах.

– А! Что? Да пошёл он ... Ах да, мой муж пришёл. Иди раб, ты хорошо поработал. Я довольна тобой.

Я выперся из дома, а Агния всунула мне пустую амфору в руки со словами.

– Наполни её водой и принеси. Свят, ты же сделаешь со мной такое, как с госпожой?

– Сделаю, крошка, сделаю!

Я набрал свежей колодезной воды и отнёс амфору ко входу в дом, передав Агнии.

На стройке меня встретили улыбающиеся лица товарищей.

– Чем это ты разозлил госпожу, что она так орала на тебя? Бу-га-га!

– Зависть – плохое чувство. А вам, добры молодцы, скажу на будущее, что женщина, как и автомат Калашникова «АК-47», по своей природе трудолюбива и неприхотлива, но требует ласки и своевременной «смазки». Не будете этого дарить женщине, она пойдёт искать другого, а вам на память о себе оставит рога.

Наутро Гармах с Афиногеном, своей и его жёнушками, ещё какими-то родственниками и Агнией стояли и разглядывали систему поливной механизации.

– Головастый ты, северянин. Порадовал меня. Но раз ты

такой умный, то должен мне ещё построить чего-нибудь такое, чтобы мне понравилось!

– А что может понравиться великолепнейшему господину Гармаху?

– Не знаю, придумай сам.

– Будет сделано, о почтеннейший господин Гармах.

После этого разговора, когда Гармах с Диодорой и толпой родственников-прихлебателей удалился, я стоял и думал: «Ну и какую же хрень тебе тут можно построить, учитывая, что с материалами и инструментом не очень?»

Парни тоже разбрелись по полю, выполняя прополочные работы. А я как пугало так и стоял посреди дороги, размышляя. За этими мыслями я и не заметил, как ко мне подошла девушка.

– О чем задумался, Свят?

– А, Рада! Рад видеть тебя! Да вот думаю, какую бы конструкцию построить Гармаху, которая у него будет, а у соседей нет.

– А помнишь, как ты рассказывал о бассейнах.

– Тут бассейны есть, причём очень даже хорошо построенные, я так не сделаю.

– А поющие фонтаны?

– Это нужен электродвигатель, подсветка и музыка, где ж я тебе его возьму?

Но тут меня осенила одна идея. Пару дней я ходил загадочный, вынашивая её. Как-то вечером после очередной

ночной сказки ко мне подошла Рада.

– Свят, кто ты? Вы, северяне, совсем другие, чем мы и те люди, кто жил со мной в нашем селе. Но ты совершенно отличаешься даже от своих соплеменников.

– А ты тут родилась или нет?

– Нет, я фракийка, жила в Болгарском ханстве, а мой отец был тысячником у хана. Шесть лет назад пришли византийские войны и захватили наше село и отцовское поместье, угнав нас всех в рабство. Мне уже 18 лет и скоро выдадут замуж – засиделась в девках, а я не хочу. Пока удаётся оставаться свободной. А сейчас так вообще не хочу ни за кого из местных выходить.

Я легонько приобнял девушку.

– Все может измениться, и ты снова получишь свободу.

– Забери меня отсюда...

– Рада, мы сами попали в эту западню. Так что пока все мы живём и работаем на Гармаха.

– Ты же не смирился с пленом?

– Нет, конечно, но пока я не увижу путей, как освободиться, буду приспосабливаться к ситуации.

Пока мы стояли с Радой у околицы за нами наблюдали маслянистые глаза одного человека. А вечером, когда госпожа Диодора изволила пить чай, этот человек докладывал ей.

– Несравненная госпожа Диодора, раб по имени Свят обнимал и приставал к Раде.

– А что эта болгарка?

– Я не видел, но точно знаю, что она позволяла себя целовать этому северянину. Они задумали побег, я уверен в этом!

– Значит, непокорная Рада оказывает внимание этому варвару, хм. Это надо исправить. Живо у меня замуж отправится, иначе от её красоты не останется и следа.

Я же был поглощён новой идеей, которую подкинула мне девушка. Почему не сделать Гармаху бассейн с надгробием, а как его ещё назвать? Будет бассейн, сверху сделаю площадку, обложенную декоративным камнем, и подачей воды, имитирующей водопад. А подъем воды сделать с помощью резервуаров-накопителей воды по принципу сообщающихся сосудов.

Глина, известь, камень есть, рабочие руки тоже, голова, точнее сказать, умная голова в количестве «одна штука», плюс менее знающие, но вполне сообразительные головы товарищей тоже есть. Значит, раз мы такие головастики, то рассчитаем объем резервуаров и толщину трубок. Как рассчитывать их диаметр в зависимости от давления я не помнил, но есть же руки моих товарищей. Вот и будут лепить трубки в уменьшенном масштабе, а я смотреть, как поднимается вода. Естественно, надо сделать уклон бассейна к водопаду, чтобы вода больше заполняла этот угол, в нем собирался бы больший объем, а значит, и давить она станет сильнее, выталкивая воду по трубкам вверх. Так что сварганим «шедевр».

Ну что, средневековый цемент, то бишь, смесь глины, из-

вести и жирной земли у нас есть, облицовочный камень типа «плитка» тоже наломаем, не было гидроизоляции и клея. Чтобы её устроить на «объекте» пришлось использовать глину и казеиновый клей. А вот клей мне же приходилось изготавливать следующим образом: створаживать коровье молоко, смешивать продукт с кислым уксусом, промывать в воде и ошелачивать полученный творог в соде. После этого снова закисливал его, пока не избавился от жира, после чего полученную массу снова перемешивал с известью. Как тут не вспомнить добрым словом порошковое «пустое» в 0% жирности молоко будущего. Молоко, точнее творог, в соединении с едкой известью даёт нерастворимый в воде клей. Соорудив эту клейкую жижу, добавил в него уксуса, что по идее, должно было предотвратить его набухание и загнивание в воде.

Казеин – главный составной элемент молока. Свернувшееся при скисании молоко – творог – есть казеин, но не чистый. В обыкновенном твороге, получающемся натуральным скисанием молока, содержится значительное количество жира, молочного сахара и бактерий. Это информация для любителей молочной диеты – хотите склеить кишечник казеином – кушайте и пейте больше молочных продуктов промышленного производства. Правда, это в меньшей степени касается кисломолочных производных молока – кефир, тан, айран и аналогичные продукты благоприятны для живота, особенно, когда ему неудобно.

Я с Митяем и Любомиром делал разметку будущих водопроводных трасс. С помощью сварганенного на коленках нивелира и длинной линейки определяли высотные отметки, чтобы выяснить: с каким уклоном копать траншею для размещения в ней труб, подводящих воду к бассейну, где надо было делать запруду, где бетонировать и ставить каменные заслонки, чтобы вовремя перекрыть или открыть подачу воды из ручья.

– Значит так, сюда мы подтянем трубу от ручья, здесь сделаем ёмкость из камней на растворе и обмажем её изнутри глиной. Она будет заполняться водой, в которую самотёком будет стекать вода из бассейна, образуя замкнутый цикл. А здесь будет вторая ёмкость, соединяющаяся трубчатым каналом с первой, тоже заполненная водой, из которой будет течь водопад. Так они и будут, поддерживая общий уровень выше уровня водопада, выталкивать излишки воды в бассейн. Надо ещё правильно углы наклона труб подобрать, чтобы создать нужный сток. Иначе хрен она вверх поднимется, а растечётся по бассейну, просто подняв в нем уровень воды, и никакого водопада не будет в помине.

– Ты голова, Свят, такое удумать.

– Удумать, Горыня, несложно, сложно реализовать.

В помощь нам выделил ещё одного раба – Мамона. Был он толи румыном, толи венгром, толи кем-то средним между ними. Попал в плен на берегах Дуная во время походов в Болгарское ханство базилевса Константина Пятого. Ростом

он был под 190 сантиметров и физически очень сильным. При спокойном характере, как я уже сказал, парнем он был необщительным и, похоже, что действительно недоразвитым – весь ум в бицепсы ушёл. Правда, наблюдая за проявлениями его силы, я не знал, кто сильнее – он или наши Горыня, Донвой, Вьюн, Медведь или Добрыня. Вообще, все эти воины действительно выглядели, как былинные богатыри, если их упаковать в доспехи.

На глиняной лепёшке-табличке я изобразил рисунок водопровода. После этого подозвал выделенного нам в помощь Мамона и стал ему объяснять его задачу.

– Вот смотри на рисунок и копай на два штыка вглубь. Трасса пойдёт от меня с левой стороны вдоль этих уровневых отметок, то есть вдоль установленных столбиков. Мамон, ты все понял?

Он начал вертеть головой влево-вправо так усиленно, что я понял, что он ничего не понял, поэтому стал объяснять ему ещё раз.

– Вот смотри: вон столбики, вот вдоль них отсюда, где мы стоим, и до ручья пойдёт водопровод. Ты должен выкопать траншею глубиной в два штыка лопаты отсюда и до ручья вдоль этих столбиков, с левой стороны от меня и от них, естественно. Ты все понял?

Он закивал вверх-вниз головой.

– Раз понял, то молодец. Вот кирка, вот лом, вот лопата – копай!

Я же занялся подготовкой труб. Ничего великого тут не требовалось, поэтому делали лотки из цемента, они высыхали, периодически поливаемые водой, затем планировалось, наложив их друг на друга, сделать трубу, а стыки обмазать раствором.

Вернувшись к вечеру проверить траншею, я увидел, что она выкопана на всю длину, отчего я присвистнул от радости. Правда, был и конкретный минус – копал Мамон её справа от столбов, причём, сместил на полтора метра в сторону от разметки, то есть она никак не попадала в размеченный мною будущий резервуар.

Я чуть не озверел от такого издевательства.

– Мамон, твою дивизию, я же тебе по-русски объяснил, что надо слева копать! Ты что, совсем тупой?

Он закивал головой вверх-вниз и сказал: «От меня слева я и копал».

Тут я вспомнил, что этот идиот стоял ко мне лицом, поэтому «от него слева» было «от меня справа». А ещё вспомнил о том, что жители Болгарии известны на весь мир своими странностями. Самой известной из них является кивание головой, если человек говорит "нет", и кручение ею влево-вправо, если человек говорит "да". Ведь во всём остальном мире люди делают наоборот. Многие туристы, которые спрашивают у местных жителей дорогу, потом часами блуждают и не могут попасть по нужному им адресу. А всё потому, что болгарское слово "направо" переводится на русский

как "прямо". Поэтому узнав дорогу у болгарина можно отправиться в долгое и увлекательное путешествие по неизведанным местам.

Подошёл управляющий помещьем Папас.

– Как идут дела? Господин Гармах сказал, чтобы ты поторопился и успел сделать бассейн к празднику города. Свят, почему ты кричал на Мамона?

– Да этот баран прокопал совсем не там, где я все разметил.

– Значит, из-за него остановится стройка? Двадцать плетей этому идиоту. Ахалес, займись им.

Лицо Мамона побелело, став примерно такого же цвета, как стоящая недалеко разведённая известь. Руки у него задрожали, и сам он как-то весь сжался, словно маленький ребёнок, который ждёт наказания. Я же подумал, что если будет бить Ахалес, то за двадцать ударов реально спустит шкуру с человека, превратив спину в кровавую кашу. Вот же не вовремя этот Папас припёрся.

– Господин Папас, в принципе, ничего смертельного не произошло, все-таки перерисовать и провести новые измерения гораздо легче, чем прокопать такую траншею, а Мамон в одиночку за один день с ней справился. Думаю, что он будет полезнее здоровый, чем избитый. К тому же предстоит поднятие тяжёлых каменных глыб для фундамента, и он в паре с Добрыней очень даже пригодится.

– Защищаешь этого тупого осла?

– Защищаю. Его оплошность не такая непоправимая.

– Смотри, Свят, опоздаешь к сроку, Ахалес с тебя шкуру спустит.

– Придётся успеть.

Что-то произошло в Мамоне, но после этого разговора он стал относиться ко мне с какой-то щенячьей преданностью, став как бы моим телохранителем, всегда стоящим за спиной.

Парни посмеялись над этим, но как-то естественно приняли его в нашу компанию. С Мамоном стали разговаривать по-взрослому, чего раньше никто из нас и челяди не делал, относясь к нему, как к здоровому тугодуму.

Все последующие дни мы усиленно строили, превратив часть двора в стройплощадку, где что-то варилось, шлифовалось, вырубалось или копалось. Глину и землю брали в поместье у ручья, а вот камень таскали за несколько километров от виллы по направлению к Солуни, где находился выход кряжа песчаника на поверхность, там же была и известь. Ломами и кирками отбивая куски камня, вытаскивали их, зубилом и молотком подравнивали и тащили во двор.

– Эх, сюда бы домкрат, живо бы эту плиту приподняли, а то уродуйся тут ломами. Мамон, вот камень, подложи под него лом и этим рычагом выворачивай булыган.

Мамон напрягся, поднатужился и с криком приподнял каменную плиту, погнув лом. В проем вставили ломы Добрыня и Горыня, а Медведь и Мамон потянули её вверх руками.

– И домкрат не нужен, раз у нас Мамончик есть с Мишкой.

– А что такое домкрат?

– Домкрат, Мамон, это такой механизм, который приподнимает тяжёлые вещи. В общем, вы сейчас побывали домкратами.

– Механизъмь, домкрат, дом-крат, до-о-о-мкрат.

Мамон ходил и бурчал это слово, обсасывая его со всех сторон.

– Чего это с ним?

– Ума-разуму набирается, новое слово выучил.

Проходив полдня и перетирая в уме слово домкрат, наконец, ища в нем изотерический смысл, Мамон подошёл ко мне и спросил: «Свят, а можно я буду Домкратом. Мне нравится это имя, оно лучше Мамона».

– Конечно, лучше. Парни, Мамон решил стать Домкратом, поэтому прошу именно так его и называть.

Так что несколько дней парни с каменоломни тащили, меняясь и отдыхая, здоровые, килограммов по 30-50 куски песчаника, выкладывая ими дно бассейна в качестве фундамента. Все это обетонировалось и делалась глиняная гидроизоляция. Чуть не забыли положить трубы для стока воды. Затем на казеиновом клею укладывался шлифованный нами же камень под плитку. Радовало то, что бассейн был не 50 на 25, а всего лишь три на четыре метра.

Диодора увидела девушек, стоящих с вёдрами молока и о

чем–то щебечущих.

– Что встали, шевелитесь, пока молоко не скисло. Рада, иди сюда.

Девушка, услышав окрик, быстро засеменила к хозяйке.

– Поставь ведро с молоком и иди, чисти нужник, вечером проверю.

– Но ведь есть золотарь?

– Я что, непонятно сказала? Иди и чисть, корова неуклюжая. Пора тебя замуж отдавать. Вот отдам тебя за Амброса, он давно меня упрашивает, чтобы я разрешила ему стать твоим мужем. Вот вы красивая пара будете. Или Мамон для тебя будет сказочный женишок, вон стоит памятник нерукотворный – дубина здоровая.

– Я Домкрат.

– Кто-о-о?

– Домкрат, в мужья Раде не пойду, она девушка Свята.

– Что-о-о! Да ты сдурел, Мамон, мне перечить, тупое животное! Запорю!

«Я не тупое животное, я Домкрат!» – Домкрат пошёл на неё, сжимая кулаки.

Она испугалась. Таким этого парня никто никогда не видел.

– Вай, Ахалес, Папас, задержите его!

Елизар и Митяй, мастерящие глиняные фигурки для бассейна, бросив работу, кинулись к Домкрату.

– Домкрат, пошли! Ты что, совсем забыл, что это несрав-

ненная госпожа Диодора.

– Я не тупой и не животное.

Тут же под руку подзуживал Амброс: «Госпожа Диодора, это возмутительно, это бунт, их всех надо наказать!

– Рада, ты ещё здесь, пошла чистить сортиры! Ахалес, 50 плетей Мамону.

Первуша, припёрший с Домкратом нарезанный облицовочный камень, побежал к каменоломням, где мы отбивали и распиливали их ещё.

– Свят, там полная «жопа»! Диодора разбушевалась, Домкрат её чуть не убил, Ахалесу поручили дать ему 50 плетей, Раду отдают замуж, а в качестве свадебного подарка послали чистить сортир. Надо что-то делать!

– Вот, гуляющая женщина, ёлки-зелёные! Парни, работаем, а мне дайте десяток плиток и я побежал разруливать.

Я появился, когда ситуация была немного напряжённая. Рада и ещё две девушки лежали с задранными туниками, светя попами, к которым прицеливался кнутом Георгис. На Мамона наступали Ахалес, кузнец и два раба, а тот отступал к нам в сарай, где, словно стенка, стояли Елизар, Митрий и Донвой с Любомиром.

Диодора орала, словно ненормальная, что её всё раздражает, и охране надо быстрее шевелиться, чтобы всех скорее уже отлупили.

– Ты что меня не защищала, Аглая, пять плетей и тебе по заднице. Георгис, исполняй!

Георгис со страшным замахом стал хлестать по доске рядом с Радой, а та громко орала при ударах, затем он перешёл на соседок.

– Кричите, дуры, Георгис мимо бьёт.

Я пришёл с Первушей, как будто ничего не знал, сгрузил плитку и побежал к Диодоре.

– Не вели казнить, прекрасная госпожа Диодора, вели слово молвить!

– А-а-а, явился, защитничек! Чего задумал?

– Блистательная госпожа Диодора, дозвожь отойти с вами, мои слова для рабов не предназначены.

Мы отошли в комнату, где нас никто не видел.

– Ты великолепна в гневе, Диодора, такая сексуальная и обольстительная.

Я обнял её и сжал ей бёдра руками.

– Свят, я хочу тебя!

– И я хочу тебя, но давай вначале, чтобы нам не мешали, разгоним всех по работам. И Мамон, то есть Домкрат, он нужен здоровым, чтобы мы успели сделать вовремя бассейн. Он сильный и много делает.

– Радка, корова, я её сгною эту наглуую девку.

– Диодора, кто ты и кто они. Ты – хозяйка, а они рабы, подобно птичкам, собачкам и так далее. Разве ты замечаешь зверушек? Так стоит ли тебе гневаться на «птичек».

– Ох, хитрец.

– Понимаешь, её недавно я был воином, дружинником

князя, жил, как хотел, а сейчас я бесправный раб. Но я привык заботиться о людях, с которыми живу, так что прости их, как заботливая хозяйка. И называй Мамона Домкратом, ему нравится, а тебе нетрудно.

– Домкрат должен быть наказан.

– Поручи ему помочь Раде почистить сортир. А Раде назначь ещё десяток плетей, мол, мало ей пяти было, но тут же прости, типа вы верные слуги, и провинность не такая уж и большая, чтобы наказывать, так что я вас прощаю. Объяви свою высочайшую волю.

– Вот же пронира. Хорошо, я уже остыла. Сейчас распоржусь, зайдёшь ко мне сегодня.

– Да, но вроде бы Гармах пришёл.

– Он пьянствует у своего братца Афиногена, ему не до меня.

Я вышел, благолепно кланяясь и бормоча о мудрой хозяйке.

– Георгис, что-то Рада слишком довольная, всыпь ей ещё 10 ударов. Задирай свою хитону, девка, и живо на лавку. Георгис, не стой столбом, поработай хлыстом. А вы, Ахалес и Папас, отпустите Домкрата, я прощаю его, пусть он поможет Раде чистить сортир, раз ему этого хочется. Георгис, погоди, я вижу, что Рада встала на путь исправления, отпусти её. Рада, иди и занимайся молочными делами. Святозар, а ты иди и работай, солнце ещё высоко.

– Слушаюсь, о мудрейшая.

Я отходил, согласно этикету лицом к хозяйке, снова пятясь задом, и, проходя мимо Амбраса, споткнулся о подставленную им ногу, из-за чего свалился на спину, но сделав перекат назад, вышел в стойку на руках. Затем постоял на одной руке, сделал хлопок руками и, вернувшись на ноги, развёл руки в цирковом поклоне.

Диодора похлопала: «Молодец!»

Я подошёл к своим людям.

– Домкрат, не спорь с хозяйкой, погибнешь зазря. Иди, займись сортиром, я тебе помогу. Видишь, ты повёл себя по мужски, но подвёл команду и мог погибнуть. Так что вместо помощи нам, ты заменишь Раду в очень важном деле – чистке туалета.

– Она обидела меня и Раду.

– Ничего, ещё не вечер, станем снова свободными, и никто нам указывать не будет. А Раду будем успокаивать.

– Что ты там с Диодорой сделал, что она угомонилась?

– Сейчас ласка, вечером будет смазка, Митрий.

– Дерзай, командир, хе-хе, а Амброс поганец.

– Удавлю его, но чуть позже.

Я пошёл назад на каменоломни к работающим товарищам. Скоро сядет солнце и, скорее всего, это была последняя моя ходка за камнями, но высмотрев Раду, стоящую за кустами бугенвиллей, выющихся вдоль забора, подошёл к коровнику, где она копошилась.

– Рада.

Девушка вытерла слезы и оглянулась.

– Иди к забору, не хочу запрыгивать во двор.

Девушка подошла.

– Свят, почему у нас такая судьба? Всякие тётки могут сделать с нами все, что угодно и никто их не накажет.

– Это испытание нам дано для укрепления духа. У нас на Руси есть народная поговорка: «Нас дерут, а мы крепчаем». И надо верить в лучшее, которое с тобой произойдёт. Не хотеть, а знать, что оно настанет.

– Меня отдадут в жены Амбросу.

– Ты не хочешь замуж?

– За тебя пойду, а если выдадут за Амброса – его зарежу и сама утоплюсь.

– Утро вечера мудренее, а за Амброса не переживай, что-нибудь хорошее и для него найдётся. Главное, ты сама не унывай и верь в лучшее.

В общем, две недели человек двадцать промудохалось над изготовлением бассэ-э-эйна. Причём, если вырыли все довольно быстро, то вот строительно-отделочные работы: сделать раствор, плиточный клей, шлифованный облицовочный камень, трубы и резервуары из подручных средств 8 века нашей эры заняло уйму времени.

Дальше был проведён пробный пуск. На моё удивление, ибо в душе не чаял, как оно получится, так как это был мой первый практический опыт на основе теоретических знаний, у нас все получилось – вода текла куда надо и куда надо уте-

кала. Приоткрывая заслонки, периодически добавляли воды из ручья, которая под жарким солнцем испарялась из бассейна. Но главное, что все работало, как планировалось.

Вечером торжественно открывали бассейн с водопадом, украшенным фигурками ангелов – был в поместье мастер-гончар из рабов, да Елизар с Игорёшей, кто слепил основные детали. В грот заложили дрова для создания внутренней подсветки.

А ещё я встретил одного Амброса и сжал ему горло.

– Ты, жирный ублюдок, ещё раз увижу тебя на своём пути – убью. Понял меня? И все новости в поместье будешь докладывать мне.

Глава 5. Высокое искусство

Гармах пригласил своих родственников и ближайших уважаемых соседей на домашнюю встречу, чтобы чинно и благородно отужинать и искупаться в бассейне. В момент торжественного открытия по моей команде раздалось лиричное пение рабынь, славящих великолепного Гармаха и его супругу, блистательную Диодору. Были сняты закрывающие циновки, подожжены свечи, установленные внутри грота, а позади него загорелись большие костры, давшие завораживающую подсветку заднего фона.

Я, как ведущий вечернего шоу, выступил с восхваляющей хозяев речью, предложив не просто искупаться, а сделать это с развлечением.

– Прошу перепрыгнуть через костёр, дабы очиститься от зла, а затем сразу искупаться в бассейне.

Диодора со своими соседками-подругами и родственницами стала первой купальщицей. В итоге, подвыпивший и объевшийся народ радостно принял участие в забаве, которая принята у славян на Ивана Купалу, периодически опаливая себе в языках пламени задницу и ноги. Народ перепрыгивал через костёр, затем бултыхался в бассейн, где становился под стекающей водой – душем. Местные бояре были довольны, а Гармах распорядился нас празднично накормить, то есть кашей с водой, аж два раза за ужин.

Можно было сказать, что вечер удался. А это означало, что утром хозяева были с большой головой и животом от чрезмерных возлияний и объеданий.

Во дворе раздавался плач ребёнка. Из дома вышел Папас, осмотрелся и крикнул тёткам.

– Кто ревёт, чей ребёнок?

– Это Лариса, Аидына дочка, она заболела.

– Аида, тоже мне мамаша нашлась, уйми ребёнка!

Тётки снова забухтели, продолжая лечить ребёнка, заваривая какие-то травяные отвары. Мы с Митяем сидели и вырезали игрушки из дерева для остальных детей. Мимо прошла Аглая.

– Аглая, что там за плач?

– Да Ларка заболела, тошнит, живот болит и «не держит».

Ларой звали девочку, которой я сделал свою первую неваляшку. Судя по описанным признакам у неё было пищевое отравление, если не хуже. А то заразится дизентерией, так все тут поляжем с кровавым расстройством и рвотой.

Я вздохнул, поднялся и пошёл смотреть на девочку.

– Северянин идёт, он умный, может чего подскажет...

Я подошёл, пощупал лоб девочки – горячий, спросил у тёток, как протекает болезнь: рвёт ли и какой у неё стул, чем поят. Поили травами, тут я ничего умного добавить не мог. Затем обратился к девочке: «Лара, как себя чувствуешь, где болит?»

– Больно животику и тошнит все время, дядя Свят.

– Аглая, Рада, есть у нас в поместье йод – коричневый порошок?

– Нет тут такого, а зачем он нужен?

– На раны прикладывать.

– Так мы всю жизнь подорожник прикладывали.

– Ясно, пойду к госпоже Диодоре, а вы мне пиалу пшеницы или кукурузы принесите.

– Аглая, узнай у хозяйки, есть ли у неё йод?

– Нет, мы даже не знаем, что это такое. Может аптекариус знает, но это на рынок в Солунь надо ехать.

– Надо поговорить с госпожой, доложи ей обо мне.

– Ты можешь помочь девочке?

– Думаю, что да.

Девушка убежала, затем вернулась и пригласила меня к хозяйке.

– Госпожа Диодора, девочка болеет и может умереть. Сама она вряд ли оклемается.

Видя, что Диодоре абсолютно все равно, умрёт маленькая рабыня или нет, пришлось пускаться в пространственные объяснения.

– Дело в том, что существует опасность развития у девочки болезни под названием дизентерия. Это заразно, и тогда все мы в поместье можем заболеть и помереть.

– Боже мой, эта так опасно?

– Опасно, госпожа Диодора.

– Лечи эту девочку. Что для этого надо?

– Найти порошок под названием йод. Возможно, что он есть у продавцов лекарств или эскулапов.

– Папас, запрягай тарантас, поедешь со Святом и купишь всё, что он скажет.

«Вас понял, госпожа Диодора», – ответил управляющий и отдал приказ конюху запрячь повозку.

Мы покатали в город, где сразу оправились в ряды, где торговали аптекари. Папас стоял рядом, а я задавал вопросы. Продавец-аптекарь разговаривал со мной, дублируя свои ответы для Папаса.

Я же спросил аптекаря: «У вас есть йод?»

– А это что такое?

Хм, его ответ поставил меня в тупик, значит, йод ещё не выделен местными алхимиками.

– А высушенные коричневые водоросли?

– Есть, молодой человек, мы растираем их в порошок и используем в лечении больных, прописывая его пить.

– Правильно делаете, а сколько стоит этот порошок?

– Вот этот сосуд стоит 10 драхм.

– А сколько у вас есть?

– Двадцать глиняных сосудов.

– Да вы охренели такие цены гнуть за обычную траву, 10 драхм – это целый солид! Я куплю у вас все запасы этого порошка или просто сушёную морскую траву за 3 солида, как оптовый покупатель. А ваши помощники насобирают вам вдоль берега ещё водорослей.

В общем, мы сошлись на 5 золотых солидах, но тут я увидел ещё одну «хреновину».

– А это что такое у вас, почтенный Агрипп?

– Это фиолетовый порошок, он очень полезен для живота.

– Это же марганец! Я возьму его тоже на 5 солидов.

Разорив хозяина на 10 золотых, я возвращался в поместье, сидя в повозке рядом с кучером и Папасом. Эконом или управляющий, как он любил себя называть, все время бухтел, что я разорил господина Гармаха и, если у меня не получится, то мне мало не покажется.

Прибыв в поместье, я отправился с порошком из водорослей в свой сарай, захватив и кружку зёрен. Парни мне помогли, разведя костёр и поставив закипать воду, перетирая зерно в муку, чтобы у меня был хоть какой-то крахмал. В итоге я все сделал, как делали в войну в 1942 году, получив синий йод. Концентрация была слабая, но все же это был синий йод объёмом примерно в два литра. Чтобы придать какой-то вкус, я добавил туда сока из нескольких мандаринов.

– Ларочка, надо попить этого синего киселя. Тебе станет легче.

Несколько раз за ночь мама просыпалась и поила дочку, а девочка пила грамм по сто. Утром она уже улыбалась.

– Теперь этот розовый раствор пей сегодня весь день понемногу.

После обеда девочка уже бегала.

Наши рабы и ближних поместий перешёптывались между

собой о новом лекаре. Мои акции, как авторитетного учёного и «народного целителя» поползли вверх. Вскоре мне пришлось совершить ещё один лекарский подвиг, но тут я работал вместе с нашим лекарем Угрём и Любомиром, которые мне ассистировали. А дело оказалось в том, что один работника прорубил себе икроножную мышцу, неудачно упав. Вот я ему и сшивал рваную рану большой цыганской иглой и такой же грубой льняной ниткой, которые нашлись в поместье, наложив несколько швов.

На следующий день я сопровождал барыню Диодору на рынок.

– Дай слово, что не сбежишь.

– Даю слово.

– Я верю тебе, отведите его к Варсаве, пусть раскуёт раба.

А про себя я подумал: «Куда же мне бежать одному. Сам-то я раскованный уйду без проблем, а вот как товарищей потом из беды вытащить – проблема. К тому же, убегу я, а им тяжелее придётся».

Так что Диодора на колеснице с кучером, Аглая вместе с ней, а я пешком снова отправились в Солунь. Мы бродили в торговых рядах городского рынка, ища интересующую хозяйку модную одежду. Мимо нас проходил нурман, который не заметил «боярыню» и, в прямом смысле слова, оттолкнул мою хозяйку, чтобы не мешалась под ногами.

Та закричала, подняв хай, как это умеют делать южные женщины, но молодой воин только рассмеялся в ответ, сплю-

нув ей под ноги.

Диодора растерянно посмотрела на меня. Её, всемогущую хозяйку своего курятника, откровенно послали. Я сучающе пожал плечами, пробуровив: «Рабу нельзя поднимать руку на свободного. Но, если госпожа прикажет, то я уделаю этого кекса».

– Но это же викинг.

– Ну и что, а я варяг.

– Я приказываю тебе наказать этого наглеца.

Эти слова слышали окружающие торговцы и покупатели. Викинг тоже услышал их и обернулся. Парень был молодой, но довольно крепкий, все-таки на вёслах сидеть и мечом махать сила нужна приличная.

Я подошёл к нему, он расправил плечи и, смеясь, посмотрел на меня.

– Ты обидел мою госпожу, извинись или будешь валяться на земле у её ног.

Я героически обернулся к Диодоре, ведь такая речь должна была быть оценена по достоинству, не забывая смотреть за викингом. Тот плюнул уже мне под ноги и стал сближаться. Я тоже развернулся и, уклонившись от удара рукой, от души врезал тому кулаком в челюсть – нокаут.

– Видали мы всяких викингов! Научись вначале классическому боксу, а потом лезь кулаками махать, лапоть. Желание госпожи исполнено.

– Ой, как здорово!

– Ничего себе!

Под эти возгласы толпы мы двинулись дальше по рядам, присматривая всякую всячину. Воин, полежав с минуту на земле, очухался и поднялся на ноги. Я оглянулся, увидев, что воин завёлся и сейчас будет вторая часть «марлезонского балета». Оглянувшись по сторонам, я заметил на прилавке одного из продавцов неплохие дубовые трости в помощь хромым людям.

Викинг вытащил меч и решительно, то есть, пинками растолкав стоящих на пути людей, ринулся на меня. Я перегнулся через прилавок и интеллигентно схватил пару палок где-то в метр длиной, да ещё и с кривой ручкой на конце.

– Спасибо, товарищ Шубов, научил в своё время грамотно и рационально пользоваться палками, шестами и другими подручными хреновинами с целью обездвиживания противника.

Нурман зло оскалился, куда там палкам против меча, на что я заметил: «Не скажите, товарищ викинг, палки против меча ещё далеко не проигрыш».

Не знаю, перерубит ли средневековый меч высушенную дубовую трость в два сантиметра толщиной, однако, если её подставить под удар меча, то меч выбьёт её однозначно – даже сильная кисть не удержит дубинку. Так я и не буду подставлять палку под прямые удары. Чтобы он не порубил моё тело мне надо лишь сбить меч в сторону, нанося свои удары по касательной. А в итоге – выбить оружие из рук противни-

ка, с чем две палки вполне справятся.

Так мы и закружились в вихре сражения. Атака, уход, удар меча в пустоту, я бью палкой по мечу, второй по голове нурмана. Он уклонился, но тут снова двойной удар в разные части тела. Он разорвал дистанцию, уйдя в защиту.

– Что, парень, кусается добыча. Сейчас я приноровлюсь к тросточкам, да крючками-рукоятками тебя «забодаю».

Собралась куча зрителей, все болеют за своего бойца. Два белокожих воина дрались насмерть на потеху публике. Однако, нужно заканчивать бой, пока к нурману не подошла помощь.

Атакую уже я, он отбивает палку тычком меча, но я рукояткой бью ему по кисти и второй палкой в лицо. Он пропускает оба удара, а я, сближаясь, целю рукояткой в горло. Он махнул мечом горизонтально земле, пытаюсь рассечь мне живот, но меч наткнулся на подставленную трость, а рукоятка первой палки достала его кадык. Он закашлялся, тут я заработал палками, обрабатывая его голову и руку с мечом, вначале выбив его, а затем завалил нурмана на землю, подцепив тому ногу тростью.

Быстро налетев на упавшего парня, нанёс пару тяжёлых ударов по лицу, вскочил, поднял меч и отобрал у него висящий на поясе кинжал со словами: «Трофей победителя. Госпожа, надо бы сваливать поскорее отсюда, пока их банда не набежала».

– Молодец, мне понравилось. Сваливаем быстрее отсюда.

На рынке всю обсуждалась новость, как раб, даже не поцарапавшись, уделал непобедимого нурмана. Победённый и сильно помятый воин понуро побрёл к себе, ведь потеря боевого оружия – это очень плохо, позор воину. Что скажет ярл?

– Кнут, что случилось?

– Нарвался на раба с севера, варяга, мы дрались, и он меня победил.

– Надо найти и наказать его.

– Я буду искать его, ярл Харальд.

В поместье Аглая тоже расписала бой, который она видела, в лицах передавая, как наш варяг палками наcostылял викингу с настоящим мечом! Возничий подтвердил её слова.

– Да-а-а уж, братцы, видал я драки, но так быстро разделить нурмана – это круто. Если наши рабы-северяне все так дерутся, то...

Что подразумевалось под словом «то» он не договорил, зато каждый додумал по-своему. Гармах потрепал меня по щеке.

– Диодора рассказала мне о твоём бое с викингом. Удивил ты меня, Свят. А вы все порадовали меня, когда сделали механизацию полива моего поля и бассейн с водопадом. Так что теперь ваши руки пригодятся мне на других работах. Объявляю вам выходной день, тем более, что завтра большой праздник. Что ещё можешь сделать, чем порадовать старика?

– Давеча, будучи в городе, видел пьесу, которую ставили

бродячие артисты.

«Театр, как это мило, хочу в театр!» – застрекотала Диодора.

– Хорошо, жёнушка, сходим с тобой в театр. Так что ты хотел этим сказать, раб?

– Все эти сказители, может быть, и хороши, но довольно однообразны, нет в них реалий жизни. Скучные стихи, да пафос один. Причём, стихи не лучшей рифмовки.

– Ты против поэм Гомера?

– Это лучше и интереснее, но насколько я понял, там трагедии местного разлива. Гомеровская «Илиада» или «Одиссея» настоящие приключенческие романы в стихах – это хорошие произведения, но я бы сказал, что нужно что-то новое.

– И что ты предлагаешь?

– Предлагаю для вас и ваших гостей поставить спектакль силами рабов и всех желающих.

– И что это будет?

– Это будет интересно.

– Хорошо, Свят, удиви меня.

– Но я один не могу играть в спектакле, мне нужны будут помощники и я должен сочинить его, в конце концов.

Я задолбался работать на товарища Гармаха, поэтому мне хотелось как-то официально сачкануть. А заодно дать отдых нескольким парням и девушкам.

– Хорошо, два дня тебе на сочинение и неделя на поста-

новку спектакля. Диодора, дорогая, проконтролируй, чтобы они сделали что-нибудь путное. Мы созовём у нас дома симпозиум для просмотра спектакля.

– Я займусь этим со всем усердием, мой муж. Свят, что тебе нужно для написания спектакля?

– Таблички из глины, где я запишу текст героев, мел и чтобы меня не трогали.

– Писать будешь у меня в коридоре.

– Слушаюсь, госпожа Диодора.

– Только попробуй не сделать интересным его, я очень огорчусь.

– Я постараюсь, чтобы спектакль вам понравился, господин Гармах.

Целый день я сочинял роман про рабовладельцев и рабов, несчастную и счастливую любовь. Правда, меня уже третий раз отрывали на доклад. Докладывать приходилось в постели, вводя хозяйку в перипетии спектакля, и лично показывая, как главный герой любил героиню, скача на Диодоре, словно хазар на своём скакуне. Такими темпами я не то, что создам спектакль, я забуду, что вообще хотел написать из-за упадка сил. Что делать, дорвалась баба до мужика, который ей подошёл.

Весь вечер я пыхтел, проговаривая и фиксируя речи героев, а проснувшись утром, вспомнил, что написал почти «Собаку на сене» испанца Лопе де Веги, только в более раннем, византийском варианте. Ну, Вега так Вега, какое мне дело до

его пьесы. Потом мне пришла мысль, что сейчас в моде трагедии, поэтому пришлось добавить «Рабыню Изауру с Ромео и Джульетой» в части отвергнутого почитателя главной героини – тирана Леонсио. Главная героиня, графиня Марица, окажется старшей сестрой другой главной героини – рабыни по имени Дарица – украденной в юности плохишами и проданной в рабство злему Леонсио. Подлец Леонсио подбивает клинья к графине Марице, как к богатой наследнице. Но пока та ему отказывает, он цепляется к Дарице, пытаясь затащить её в кровать. Подлеца Леонсио играл Амброс.

– Я хочу играть не подлеца Леонсио, а принца Луидора.

Я представил себя Амброса в роли принца и понял, что графиня Аглая не доживёт до конца спектакля, а сама спрыгнет со скалы от перспективы такого замужества.

– Нет, Амброс, ты будешь играть богача и владельца рабов Леонсио. Ты – вылитый владелец большого поместья.

– Ну, если я так похож на рабовладельца, то хорошо. А кто будет Дарицей?

– Дарицей будет Мотя.

– Так ей 50 лет!

– Мы загримируем её в молодую девушку.

– А Рада?

– А Рада будет играть её кормилицу.

– Так она молодая?

– Ничего, Амброс, её тоже загримируем в бабушку.

Так вот возвращаясь к сюжету, прерванному очередным

назначением ролей, я доводил сценарий до труппы.

– Волей случая Марица узнает, что её сестра, Дарица, рабыня у подлеца Леонсио и пробует выкупить. Но тот не соглашается.

– Почему подлеца?

– А кто же он ещё, Амброс?

– Он почтенный рабовладелец.

– Одно другому не мешает, не отвлекай меня! Потом появляется принц на белом коне, который для начала выкрадет Дарицу, потом победит в бою тирана. Естественно, в него влюбляются обе сестры, но принц выберет старшую, а младшая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.